

ЛитРес:

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

A detailed illustration of a medieval knight standing in a field of tall grass. He has a thick brown beard and is wearing a chainmail tunic with large metal pauldrons on his shoulders and leather gauntlets. He holds a battle-axe in his right hand. The background is a dense field of green and yellow foliage.

СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО

НА ЗАПАД!

Сотник из будущего

Андрей Булычев

Сотник из будущего. На Запад!

«Автор»

2022

Булычев А.

Сотник из будущего. На Запад! / А. Булычев — «Автор»,
2022 — (Сотник из будущего)

Черное время страшного мора, вызванного затяжным ненастьем, накрывшим всю Северную Русь, прошло. Новгород выгнал мятежников и вновь присягнул на верность князю Ярославу. Угроза с запада сохраняется. Семь лет назад русский град Юрьев пал к ногам крестоносцев, а теперь уже и Псков под немцами. Сумеет ли Андреевская бригада и дружина князя приостановить «Дранг нах остен» – «Натиск на восток» и разбить врага? По силам ли им поставить крепкий щит на западе?

© Булычев А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть I. После лихолетья	5
Глава 1. Тревожная зима	5
Глава 2. Дальний дозор	10
Глава 3. За княжым столом	17
Глава 4. Прогресс	21
Глава 5. Вильно	26
Глава 6. Поместные хлопоты	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Булычев

Сотник из будущего. На Запад!

Часть I. После лихолетья

Глава 1. Тревожная зима

Порывистый ветер кидал в лицо снежинки. Третий день завывала затяжная пурга над стенами Нарвы, и вот она наконец-то пошла на убыль. Здесь, на самом верху, на крепостном парапете она все еще слепила глаза снегом, морозила щеки и поддувала в запа́х овчинного тулупа. Но все равно это было уже совсем не то, что недавно, когда от ее порывов чуть ли не вжимало в стену.

– Ничего, совсем скоро распогодится, – пробормотал Митяй и, развернувшись возле угловой башни, пошел в обратную сторону. Теперь ему дуло уже в спину, а вот Маратка, который шел навстречу, приподнял воротник тулупа, пряча лицо от ветра.

– Эй, берендей, вона, погляди, как нос обморозил, потри его маненько, а то ведь ежели отпадет, так и Акулинка не признает!

– Ты, лесовин, за своим лучше смотри, у тебя вон уже одного уха нет. Где ты его потерял-то?! – отшутился друг и шагнул в нишу стены. Здесь было потише, и караульные, притоптав наметенный сюда снег валенками, стали плечом к плечу.

– Не-е, Митяй, вчера хуже было. – Марат закинул самострел за спину и сбил с воротника налипшие снежинки. – Сегодня-то что, это так, игрушки. А вот вчерашний караул – он мне надолго теперь запомнится. Как там наш ближний дозор эту пургу пережил, я вот даже и не знаю.

– Да уж, чай, дядька Архип из опытных лесовиков сам, не оплошает, поди? – ответил Митяй. – Небось, просто не успела его пятерка, также как и все дальние дозоры, возвратиться. Те-то вон на санях все катались. Им что, по речному руслу пробежались быстро – и они уже в крепости, а вот этим да, из буреломного леса ох как непросто на лыжах выбираться.

– Ну да, похоже, что все так, – согласился с другом берендей. – Так-то еще пару часов повьюжит и совсем уже успокоится, а там, глядишь, и они к Нарве подойдут. Как сам думаешь, нас Малюта и правда отпустит дозорить? А то ведь давеча вон как гоношился, дескать, мне тут крепостная стража в сотне нужна, а не эти вон бродяги-пластуны!

– Да не-ет, отпустит, куда же он денется? – отмахнулся Митяй. – А то ты его и сам будто не знаешь. Ну, покричит он маненько, как обычно, да потом все одно отойдет. Комендант же вон сам сказал, чтобы молодые готовились поочередно к дозорным выходам. Дескать, нечего им безвылазно тут на стенах сидеть, пусть и они местность вокруг крепости изучают, да и вообще двигаются больше.

– Ну, ежели это Захар Игнатьевич самолично сказал, тогда конечно, – вздохнул Марат. – Сотнику нашему, видать, и самому завидно прогуляться, а ведь никак ему свою стену не бросить. Ну, ладно, постояли маненько, пойдем, что ли, дальше?

– Да пошли, – кивнул ему в ответ друг, и две фигуры, достав самострелы из-за спины, вышли из ниши и зашагали в разные стороны по верхнему ходу стены.

С каждым часом снега становилось все меньше, а завывавший до этого ветер постепенно стих. С высоты даже начали проступать очертания дальнего леса, и уже ближе к концу караульной смены Митяй заметил там какое-то шевеление.

– Движение на опушке у дальнего ручья! – выкрикнул он. – Ближе к обгоревшему дубу с обломанной вершиной!

Раздался топот, и из хода башни выскочил десятник Стриж.

– Чего ты там углядел, Митяй?!

Командир запрыгнул на приступок, поднялся повыше и, приставив ладонь ко лбу, вгляделся в белую даль. К нему присоединилось еще пять человек из отдыхающей смены, и все они застыли в напряжении у парашета.

– Точно, вижу, вижу! – выкрикнул Агафон. – Да вон же, во-он, прямо под обгоревшим дубом, кажись, человек стоит!

– А вот и второй, и третий с ним рядом! – подтвердил худой и высокий Гордей. – Да это никак наш ближний дозор, тот самый, что до пурги в крепость не успел явиться. Вона, вона, гляди, как они руками нам машут!

Вскоре четыре фигурки вынырнули из леса на открытое место и направились в сторону крепости. Двое за собой что-то тащили. Зазвенели цепи опускаемого через ров моста, скрипнули ворота, и в проем проскользнуло четверо пластунов. Пятый же въехал вовнутрь на самодельных санях, сделанных из широких охотничьих лыж.

– Парамон в лесной буерак сверзился. На склон его наступил, а там намет был большой, вон он вниз-то и обвалился, – объяснял командир пешего дозора. – Нogu сильно зашиб, сначала уж думали, что сломал, но не-ет, слава богу, пронесло. Однако раздуло ее сильно в голяхе, и никак дальше идти не можно было. Мы вроде бы как стянули ее, обездвижили и до дома подались, а тут небо хмуриться начало, ну, видно же, что быть скоро пурге. Вот мы ему самодельные сани-то соорудили и давай быстрее тянуть. Но не успели, такой ветер начался, аж деревья валило! – и Архип передернул плечами. – Пришлось быстро лежку делать, благо место нам хорошее вовремя попало, да и припас у нас с собой был. Ну вот, мы три дня там и просидели, как медведи в берлоге. А как уж стихать начало, так опять дальше пошли. Оказалось, что до Нарвы совсем уже недалеко оставалось, можа, если бы поспешили, так и успели бы дойти. Хотя кто ж его знает, ни зги ведь не видно было.

– Все правильно вы сделали, Архип, – прогудел сотник Малюта. – У батюшки в селище сосед с промысла возвращался, так в трехстах шагах ведь от него он замерз. Тоже вот так же по пурге шел. Видать, закружило его, глаза отвела Метелица и сморила. А ведь какой опытный лесовин был, и вот надо же! Ничего, отогреетесь, в баньке косточки отпарите – как новые будете. Ну а Парамоху вы в лекарню тащите сразу. Чего там, в лесу-то спокойно ли все? Никаких следов в округе не углядели?

– Да нет, человеческих там точно не было, – отмахнулся звеньевой. – Мы же полный круг успели перед пургой дать. Зверь – да, тот ходит. Вон за дальним оврагом у Черной речки на следы волчьей стаи наткнулись. Они там лося загнали, ну и натоптали, искровенили все. Сохатый, видать, шибко сильный был. Все кустья и малые деревца вокруг того места обломаны. Не дался он просто так серым, хорошо постоял за себя. И все одно, сожрали. Стая-то большая, дюжины две в ней точно есть. Ну вот, мы и шли сторожко, чтобы на волков не нарваться. А вот человеческих следов там, стало быть, и не было вовсе. Небось, заметили бы – не прошли бы мимо.

* * *

Санний обоз возле главного городища Вирумии начали собирать на второй месяц зимы. После большого бурана от дальнего рода, стоявшего на реке Нымме, прикатали последние трое саней, и на совете старейшин постановили: к русской Нарве идти через два дня, старшим быть Каиро.

– Не скучай, Вилма. – Русский воин Серафим сжал в своих крепких руках маленькие ладошки девушки-эстки. – Вот попрошу разрешения у своего начальства и скоро обязательно тебя сватать приеду. Да еще и с такими дарами, что даже твой отец решится за меня замуж отдать. Небось, уж поймет дядька Расмус, что не в худой он род свою младшую дочь отдает!

– Приезжай, Серафиме, я буду тебя ждать, – девушка легонько кивнула, и ее щеки залил яркий румянец. – Я с мамой уже поговорила, она потихоньку смягчит его сердце. Ты, главное, сам береги себя и смотри за раной, она ведь у тебя еще не до конца зажила. На вот, держи, – и, сняв с плеча берестяной туесок, обшитый мехом, передала его воину. – Здесь все те снадобья, которыми тебя наша Майму и я все эти полгода лечили.

– Спасибо, милая. – Серафим крепче сжал руки и чуть подтянул к себе девушку, желая заключить ее в объятия. Но та резко выдернула их и отскочила от парня.

– Люди же смотрят!

– По саням! В путь! – донеслась команда Каиро. А из ближайших повозок обоза послышался насмешливый окрик друзей влюбленного:

– Фимка, а ну запрыгивай быстрее, мы без тебя сейчас тронемся! И Вилму тоже с собой захватывай, чего же ей скучать здесь?!

Серафим запрыгнул в отъезжающие сани и помахал на прощание рукой. Толпа провожающих кричала вслед отходящему от городища каравану. Несколько десятков мальчишек окружили его и с гомоном бежали вслед. Вот раздались резкие крики, они отскочили в стороны, а мимо обоза пронеслось три конных десятка воинов. Головной дозор, опередив обоз, выскочил на лед речки и пошел по ее руслу на север в сторону моря. За ним с пологого обрыва одна за другой скатились и три десятка саней, запряженных невысокими лошадками. Последними гнали табунок лошадей в сотню голов, и за ним уже следовал тыловой дозор.

Путь держали на север. Нужно было пройти по реке и, не доходя до владений датчан, сворачивать на восток. Дальше дорога была по озеру Консу, и потом по одной мелкой речке она заходила в огромную реку Нарву, а там уже и до самой крепости было рукой подать.

На ночевках разбивали укрепленное становище, выстраивая связанные между собой сани в оборонительный круг. Расставляли рогатки и срубленные, заостренные вершины деревьев. Подходы освещали большими кострами. Места перед этим обширным краем, с самым протяженным здесь озером Консу были землей спорной. На нее постоянно претендовали вирумцы и северные эсты из племени Харьу. До больших столкновений между ними ранее дело не доходило, но вот с приходом сюда данов, попав под иго завоевателей, северные эсты начали вести себя более враждебно. И не раз уже вирумцам приходилось отражать их набеги.

Среди эстов Серафим, Первак и Истома были за своих, потому как выучили язык и обычаи племени, приютившего их на время излечения. И все-таки держалась тройка руссов всегда вместе, заступая в одну сторбжу. Ели и спали тоже у одного костра, да и в дороге их сани всегда шли рядом. К исходу шестого дня пути обоз догнал тыловой дозор. Десятник Аксель подскакал к Каиро, и командиры, придержав своих коней, о чем-то долго толковали. Наконец десятник, взяв своих людей, ускакал по следу обоза обратно, а Каиро подстегнул коня.

– Быстрее, быстрее, прибавили ходу! – выкрикнул он. – До темноты совсем немного осталось, сейчас через болото переедем, а там на лесной излучине речки переночуем.

Возничие подстегнули своих коней, и санный поезд пошел быстрее.

Ночлег делали в удобном для обороны месте. Обрывистые берега лесной реки словно бы большой дугой огибали остров-поляну, на котором сейчас расставляли сани. Особенно плотно перекрывали смотрящий на лес перешеек шириной около сотни шагов. От человека к человеку, перетаскивающих сушняк и срубленные в лесу рогатины, передавалась тревожная весть: по следу обоза шел небольшой конный отряд. Дозор Акселя, пройдя назад, заметил с дюжину всадников, который при виде вирумцев сразу же свернули в сторону и ускакали по руслу ручья в лес.

– Харью, это харью, – шептали эсты. – За нами они идут, словно волки добычу чуют!

– На ночевке и в пути теперь особенно нужно быть на стороже! – предупредил своих людей полевой вождь. – Мы с санями все равно медленней идем, чем конные. День, два – и их подмога на нас может выйти. Ладно если там будут одни лишь харью, глядишь, и сможем от них отбиться, но они же могут и данов на нас навести. Вот тогда уже совсем худо будет.

В эту ночь русской троице выпало дозорить в третью смену. Лежали в сугробе у заросшего кустарником склона. Стоянка освящалась кострами, а здесь с самого края стояла темень.

Серафим смахнул с дуги своего самострела снег и, проведя рукой по тетиве, вздохнул. Тихо вокруг, только всхрапывали порой в табунке лошади. А в хижине вирумского городища, где спит его Вилма, сейчас душно. Плачет ребенок старшего брата Уго, бормочет его мать, успокаивая младенца. Вскрикивает во сне отец, представляя себя опять на поле боя. И тихонько сопит его белокурая красавица. «Приезжай, Серафиме, я буду тебя ждать...» – сквозь время и расстояние донеслись прощальные ее слова до караульного.

– Фимка, ты чего это, никак спишь, дурень?! – в ухо выдохнул ругательство Первак. – А кто же ночь слушать будет? Может быть, Вилма твоя?

– Не-не, я это, я слушаю, – встрепнулся караульный.

– Да тихо вы оба, бестолковые! – прошипел Истома. – Ничего не слышали сейчас?

– Не-ет, а чего там? – спросил Первак, приподнимаясь со своей лежки.

– Да ты вон, как на жениха только ругнулся и шуманул маненько, внизу-то, в кустах, у самой реки, ветка о ветку вдруг стукнула, а потом и еще раз, – объяснил Истома. – Можя, конечно, и птица это ночная али зверь какой? Но ведь ежели птица, так я бы тогда, небось, и шум от ее крыльев услышал. Ну а коли это был зверь, так ведь он совсем тихо на лапах своих ходит, ведь чует же, что тут рядом люди есть. Странно все это.

– Так, Фимка, а ну беги к караульному десятнику, испроси у него пару смолистых факелов, – приказал признанный в троице за старшего Первак. – И тебе полезно будет размяться, а то вон, скоро ведь точно уснешь. Да дядьку Иво-то покамест не будоражь, вдруг Истомке почудилось. Поднимем еще всю стоянку ненароком.

Серафим отполз немного назад от обрыва, потом поднялся и бросился бегом к становищу. Через пару сотен ударов сердца он вернулся вместе с десятником и с пятеркой лучников.

– Тихо, тихо! – прошептал Иво, предостерегающе подняв руку. – Не вы первые странное в округе примечаете. Здесь вот у вас склон более пологий, чем везде, вполне даже могут сюда находники красться. Зажигай, – кивнул он своим людям, и те ударили кремнем о кресало, выбивая искры на трут. Русские взяли на изготовку свои самострелы, а эсты – луки.

«Тук, тук, тук», – стучало в висках. И вот вспыхнувшие факелы полетели вниз со склона. Один, зашипев, почти сразу же погас в снегу. А вот два других удачно упали и осветили подступы.

– Бей! – резко крикнул Иво и послал первую стрелу в человеческую фигуру. Вслед за ним раздались хлопки тетивы и резкие щелчки самострелов. Внизу яростно закричали. Десятка три под прикрытием дюжины лучников ринулись сквозь кусты наверх. Серафим, взведя рычагом «козьею ножки» свой самострел, перебежал чуть вправо, а в то место, где он только что стоял, ударило сразу две стрелы. Два лучника вирумцев уже лежали на снегу, окрашивая его красным.

– Берегись! – выкрикнул десятник и послал одну за другой три стрелы во врага. Ему в плечо впиалась вражеская, и он, вскрикнув, выронил свой лук.

«Щелк!» – выцелив набегающего самым первым здорового бородатого мужика с мечом, Серафим разрядил только что взведенный самострел. Болт со стуком пробил бронзовую бляху на груди бородача и вошел дальше в тело. Пара человек подхватила убитого и попыталась было оттащить его назад, а из становища уже накатывала грозно гомонящая толпа вирумцев. В вылетающих наверх харью полетели копья и стрелы. Сотня воинов сбила оставшихся в живых вниз и устремилась за ними в погоню.

– Назад! Назад! – кричал Каиро. – Всем вернуться к стоянке, это может быть засада! В лес никому не соваться!

Выпустив в полной темноте вслед отбегающим несколько стрел, погоня вернулась обратно.

– С дюжину только смогли уйти. – Истома с досады скрипнул зубами, перезаряжая само-стрел. – В основном из тех лучников, кто вот этих прикрывал, – кивнул он на лежащие повсюду тела.

– И ладно, вот и правильно, что не дали за ними погнаться. – Первак, морщась, растирал кулаком грудь. – Помнишь, как нас дядьки-ветераны сами учили: покажи врагу свою слабость, замани его в удобное место, а потом всего там истреби. Хорошие стрелки, если бы не моя кольчуга, то же, что и с этими, было бы, – кивнул он на убитых вирумцев.

Исход ночного скоротечного боя был таков: вирумцы потеряли троих убитыми, и пятеро их воинов были ранены. У речного склона насчитали тридцать три трупа. Троих раненых харью удалось пленить, и не менее полтора десятка следовых дорожек уходило в лес напротив стоянки. В четырех из них были замечены следы крови.

– Каиро, двое там точно сильно ранены! – рассматривая след, прокричал снизу Аксель. – Может, я пару десятков возьму и пробегусь осторожно?

– Нет, я же сказал нет! – Походный вождь недовольно нахмурился. – Время тратить не будем, сейчас быстро поедем и затемно в путь двинем. Нельзя нам задерживаться, коли харью с нами не совладали, значит, можно ждать их господ данов. А нам до русской крепости еще три дня хода.

Сборы были быстрыми, вирумцы еще загружали на сани своих убитых и раненых, а передовой дозор уже ускакал разведывать путь.

– Вождь сильно тревожится, говорит, что одного пленного они разговорили, и тот поведал, что это дружина из южного рода харью на нас насканивала, – рассказывал друзьям последние новости Первак. – Эти-то думали, что ночью у них удачно все здесь получится. Что нападут они на наш стан в темноте, сторожу побьют, а всех лошадей разгонят. Потом быстро в лес оттянутся и в засаду у своего следа залягут. Дескать, после такой вот сумятицы мы здесь точно много времени потеряем. Пока табун обратно сколотим, пока соберем все – вот и день уже к исходу. Глядишь, и еще на одну ночевку здесь останемся, сильно сторожась. А тем временем к ним и подмога подойдет. Они-то за ней в свое главное городище Йыхви гонцов уже отправили. А там замок Ярве их господ данов прямо совсем рядышком стоит. Вот они, небось, их-то с собой тоже зазовут.

– О-о-о, да эти даны только и рады будут пойти! – воскликнул Истома, укладывая котел в сани. – Насчет добычи они очень сильно жадные, сам видел, как они за трофеи два года назад друг с другом после боя дрались. А тут такой большой обоз эстов в чужую землю идет, да с добром и при охране из лесовинов. Конечно, ударят, непременно. Надо шибко спешить. До наших земель всего-то ничего осталось.

Наконец послышалась команда, и санные повозки одна за другой, оставляя за собой глубокий след, скатились на речной лед. На островке у излучины парили засыпанные снегом костровища, валялись раскиданные рогатины, да у обрыва лежало три десятка обобранных трупов.

Глава 2. Дальний дозор

Крепость Нарва была пограничной твердыней, стоявшей на перекрестке нескольких древних путей. Сюда шла дорога вдоль Варяжского – Балтийского – моря от датского Ревеля на Новгород, и потом, миновав его, она уходила уже дальше, в русские княжества и в Болгарию. Шел здесь сухой путь от земель латгалов и ливов, ну а теперь уже и от Рижского епископства, которое сейчас активно переваривало эти балтские народы. Подходил сюда путь и от эстов, и их племенных объединений под названием Вирумии, Угандии, Ярвы, Алемпойс и прочих. Не так уж далеко от Нарвы располагался форпост ливонских немцев и меченосцев в городке-крепости Дерпте.

Помимо торговых караванов, по всем этим дорогам ходили как отдельные воинские отряды, так и огромные армии. Поэтому держаться здесь приходилось всегда сторожко.

Каждую седмицу для контроля окрестностей выходили из крепости ближние лыжные дозоры и дальние конные на саях. Попробуй только поленись, оставь эту местность без пригляда – и на ней быстро выстроят временные крепостицы, а потом и каменные замки боевитые и предприимчивые немцы, как это уже случилось на землях ливов, латгалов и южных эстов. Да и датчане – те ведь тоже не промах, только и думают, как бы им расширить свои владения и примучить лесные племена. А уж об отданной русским нарвской земле они, небось, теперь крепко сожалеют. Только и ждут, когда ее обратно можно будет забрать.

Это учитывалось, и гарнизон делал все, чтобы показать своим беспокойным соседям, что русские здесь не просто надолго, нет, что они встали тут навечно и соваться к ним сюда не следует.

– Ладно, братцы, не тужите, в следующий дозор уже и вы пойдете, – успокаивал Оську с Гришкой Митяй. – Захар Игнатьевич ведь сказал, что он всех молодых обкатает по окрестностям. Ну вот, значит, так оно и будет. А чего, мы худые, жилистые, нас одно удовольствие в дальние дозоры брать. Все лошадям лишний вес за собой не тащить.

Дальний дозор на трех саях и с верхоконным десятком уходил в объезд, как правило, на пять-семь дней. Его дело было пройти на юг по реке Нарве до Чудского озера, а потом, делая петлю на запад по замерзшим руслам малых рек, он должен был дойти до земель данов. Проскочив по самой границе, ему потом надлежало возвращаться по берегу Балтийского моря обратно в крепость.

Сейчас скользить на саях по простору огромной реки было одно удовольствие, все вокруг открыто, февральское солнышко ласково светит. Красота, да и только!

Заночевали возле небольшого рыбацкого селения на берегу озера. Старший дозора, десятник дядька Спиридон, поехал с пятеркой воев потолковать с местным старостой, а все остальные в это время разбивали стоянку. Прямо на саях вывезли из ближайшего леса сухой и разожгли большие костры.

– Вот, принимайте. – Подъехавший десятник скинул на снег большой рогожный куль.

Обозный ветеран, Еремей, развязал горловину.

– О-о-о, никак Юхо нонче рыбой расщедрился? С чего бы это он? С него ведь и летом даже сорной мелочи на уху не выпросишь, а тут вон и судак, и сиг, и даже налим.

– Да я ему лепестковый наконечник для промыслового копья дал, – ответил Спиридон. – Мне-то он за ненадобностью, а местным вон любое железо тут за радость. Так что рыбкой побалуемся в дороге, зверя ведь скрасть времени не будет, если только он дуром перед нами на речное русло не вылезет. Ну и так побалакали мы маненько с рыбаками, чужих они в этих местах давненько не видали. Не врут уж, чай. На нас-то они безо всякой вражды смотрят.

На ужин сварили уху из рыбы помельче. Несколько крупных щучек разрубили и потом, нанизав куски на прутья, запекли их над углями. В конце трапезы, как обычно, попили горячего травяного чая из зверобоя, чабреца и душицы.

У Митяя сегодня караул был второй сменой, каждый из молодых стоял в нем с опытными дядьками.

– Ты, паря, вот на этом вязу лучше затаись, – показал на большое дерево, стоящее чуть поодаль от стоянки, Креслав. – Тебя костер здесь освещать не будет, а сам ты со стороны хорошо все видеть и слышать сможешь. Если что вдруг, то шумани и сразу же в сугроб сигай. Сам ведь знаешь: среди ветвей от стрелы не укрыться.

– Хорошо, дядька, все понятно, – кивнул Митяй и, подтянувшись на ветке, ловко вскарабкался по стволу вверх до развилки.

– О как, словно бы куница по деревьям скачет. Э-эх, молодость, – вздохнул ветеран и направился ближе к костру.

Второй день прошел в переездах с одного русла ручья в другое. С него в небольшую речку, а потом через промерзшее болото и через малый ручей опять в реку. Утомились все изрядно. Несколько раз приходилось выпрягать из саней лошадей и на руках перетаскивать повозки через лесные завалы. Прямого и удобного пути между руслами здесь не было, и всем пришлось изрядно попотеть. Хорошего, спокойного отдыха тоже не получилось. Ближе к вечеру на очередной переволоке натолкнулись на свежий волчий след и всю ночь сторожились. Стая ходила неподалеку вокруг и выла в темноте. Однако, потеряв двух «прибылых» – годовалых волков, близко серые уже не подходили.

– Эко зверь хитрый, – качал головой Еремей, поглаживая снятую с волка шкуру. – По ветру ведь встали, чтобы лошадей хорошо шугануть. Все переярки¹ или матерые – они-то подальше держались, а эта молодь ведь такого страха не знает, ну и подлезла под болт и стрелу. Вот и будет теперь тебе на шапку мех, Петро. Али вон у Сбыни второго выменяй, глядишь, и на душегрейку тогда хватит. Вроде он же второго подстрелил?

Волчья стая, поняв, что добыча им не по зубам, унеслась дальше по своим делам, а дальний дозор, перевалив через сгоревший участок леса, наконец-то вышел на удобный путь.

– Ну, все-е! – выдохнул уставший обозный. – Вот теперяча на закат можно будет долго ехать. Тут, считай, как бы зимняя дорога туды идет. В Виронию и потом дальше к южным эстам, ну и во всякие чужие немецкие земли. Там даже потом переволоки не такие изматывающие, как вот те, что мы только что прошли. Скачи и скачи аж до самых датских земель, а потом после реки Мустайки за озером Консу к морю на север заворачивай. Прошли мы, Митяй, самое трудное место, теперь-то уж быстро дальше поедем. Бери в руки вожжи, править будешь, а я, пожалуй, передохну маненько. – И дядька Еремей, передав кожаные ремни молодому, переместился назад к Сбыне, который, закутавшись в овчинную накидку, успел уже задремать. – Эй, снулый, подвинься, в дозоре, чай, находишься, а не на печи, чего храпишь-то?! – проворчал ветеран, натягивая на себя меховушку.

Лошади в парных упряжках резво бежали, следуя за передовой верхоконной пятеркой. Их теперь и подстегивать нужды не было. А Митяй сейчас вспоминал прошлую зиму, когда после окончания ратной школы он проходил службу в бригадной обозной команде. Вот где довелось-то ему по лесным заснеженным дорогам поездить! Бригада держала все окрестности вокруг Андреевского под своим пристальным вниманием. И в самые лютые, голодные года вывезла она множество людей из вымирающих селений Новгородской Деревской пятины. Была в ту службу и лютая стужа, и пурга, и даже случались яростные схватки с разбойничьими ватагами. Кто ему теперь посмеет сказать, что у обозных служба так себе, никчемная и совсем невидная? Да он ему первый в лицо бросит, что тот прелый лапоть и пустобрех! И правильно,

¹ 2–3-годовалые.

что их, молодых, таких вот шибко умных и бойких, начальство протаскивает через такое дело. Ибо каждый должен и обозную, и крепостную лямку тянуть, а уже потом кому и куда старшины место укажут, где ему дальше служить. В пластуны ли, если ты шибко боевитый, в конницу, коли в этом верховом деле умел, ну или в ту же ладейную рать, если такое по душе. А вот кому-то, как, например, Оське, размысловая или даже орудийная рать ближе. Тот вон по всяким механизмам бредит, о торсионах и о рычагах думает, а теперь все в мечтах пребывает, как бы ему в новую орудийную рать попасть. Спит и видит себя друг Оська возле надраенной до яркого блеска орудии да с большим яблоком-ядром в руках.

– Ну да, каждому свое, – пробормотал Митяй, вглядываясь в идущую шагах в ста впереди конную пятерку.

Погоню заметили за озером Консу. Сани обоза проскочили через небольшой перелесок по давней, заросшей кустарником вырубке и потом зашли в левобережный приток Нарвы – речку Мустайэги. Всего тридцать верст ходу по ней – и обоз окажется на льду огромной реки, а там уже и сама крепость будет недалеко.

От тылового десятка на переходе к лесной речке обоз нагнал встревоженный гонец.

– Вождь, на лед озера вышло пять десятков всадников, на головах у многих блестят стальные шлемы! – выкрикнул воин. – За ними еще из леса конные выходили, сколько их, не разглядели, меня к тебе Эйно с вестью послал.

Каиро зло ощерился.

– Все-таки навели на нас эти собаки своих хозяев данов. А уж эти просто так теперь не отцепятся.

Ускориться, как только можно! – отдал он команду для обоза. – Всем верхоконным собраться возле меня!

Нужно было во что бы то ни стало задержать погоню и дать возможность обозу пройти по лесной реке как можно дальше. Путь здесь был только один – по ее руслу. Лесом догнать вирумцев было невозможно, и теперь этот путь нужно было как-нибудь закрыть. Были срублены три огромных дерева, растущих на самом берегу, и они, с шумом рухнув вниз, создали искусственную преграду. Больше ничего сделать не удалось, послышался топот, и из-за поворота выскочил тыловой дозор.

– Этой стороной берега обходите! – выкрикнул Каиро, и за конными упали еще два подрубленных дерева, перегораживая теперь и обходной путь.

В выскочившую погоню из-за завала ударили стрелами четыре десятка луков и два арбалета. Несколько всадников и коней упали на лед, и отряд, развернувшись, ушел назад за речной поворот. Наступила пауза.

– Сейчас они все сюда подойдут и потом со всех сторон на нас полезут, – предположил Аксель. – Ладно, перед завалом мы их немного придержим, но они ведь по берегу лесом нас обойдут и потом с боков навалятся.

– Конечно, обойдут, – согласился Каиро, – но на это все им нужно время, а оно сейчас играет на нас. Эйно, Юхани, отойдите со своими десятками от берега шагов на сто в стороны, смотрите и слушайте лес. Как только вы увидите неприятеля, так сразу же отходите к реке. В бой не ввязывайтесь!

Десятники крикнули своих людей, и те, оставив товарищам лошадей, скользнули в лес.

Через четверть часа из-за поворота вышло более сотни воинов, они не спешили. У многих в руках были луки, и они еще издали повели обстрел затаившихся в завале вирумцев. Те, прикрываясь стволами поваленных деревьев, метали в ответ свои стрелы.

– Не высовываться! – крикнул Каиро. – Их много, и на каждую нашу стрелу, хоть мы и в укрытии, враг ответит пятью. Берегите себя!

Смотри, Аксель, близко уже не подходят, – кивнул он на стоящих в отдалении харью и датчан. – Словно бы приковывают они к себе наше внимание, а ведь могли бы уже решительным броском сюда налететь. Выжидают. Видать, действительно хотят окружить нас здесь и всех одним разом положить. Отводи воинов, и готовьте коней, а мы пока здесь стрелы покидаем, – и, зацепив крюком «самсонова пояса» взвод своего арбалета, с натугой натянул его тетиву.

«Щелк!» – болт подаренного русскими оружия ударил переднего вражеского воина в блестящем округлом шлеме, прикрывавшегося щитом. Даже такой слабый самострел и тот сумел его пробить, и до Каиро донесся резкий крик боли.

– Враг обходит! Близко! – донесся возглас, и с одного из склонов на лед скатился десяток Эйно.

Буквально через несколько ударов сердца с другого обрыва реки сбежали и люди Юхани. По команде вождя воины подхватили своего раненого товарища и бросились к тому месту, где вирумцы седлали лошадей. Не прошло и трех минут, как топот их коней стих, а перед нападающими, преодолевшими наконец завал, оказалось пустое и плотно утоптанное место.

– Ушли все-таки! – прорычал здоровенный датчанин и грязно выругался. – Это все твои люди виноваты, Нуути! – обвинил он рыжебородого вождя харью. – Все вы, эсты, одинаковы! Почему так медлили там в лесу?!

– Господин, мои люди двигались быстро и осторожно, – ответил эст. – Эти вирумцы оказались очень предусмотрительны и выставили по бокам реки свою сторожу. Вот она-то и предупредила всех остальных.

– Ну, так и нужно было большим, широким кругом их обходить, болваны! – взвился дан. – Чего вы прямиком туда поперлись?!

– Но, благородный господин Холдор, вы же ведь самолично нам сказали не терять время и повелели нам окружить и ударить вирумцев побыстрее, – возразил походный вождь харью. – Вот мои люди потому-то и спешили. Кто же знал, что все так получится?

– Нечего оправдываться, Нуути! – прорычал предводитель данов. – Мы из-за вашей нерасторопности потеряли двух воинов убитыми и троих ранеными! Я это еще припомню вам при дележе добычи! Распорядись, чтобы твои люди быстрее растащили завал. Мне не терпится поскорее настигнуть этих лесовиков и изрубить их всех! Седлаем коней! – распорядился он, и сотня датчан первая проскочила через освобожденный эстами проход.

Митяй резко натянул вожжи, лошади, пробежав немного по инерции, захрапели и встали.

– Чего там?!

Дядька Еремей, скинув меховую накидку, уже стоял на ногах, прикрываясь щитом, а в правой руке он держал сулицу. Рядом Сбыня, сжав в руках лук, обозревал окрестности настороженным взглядом.

– Вона, дядька, передовой дозор как гарцует, видать, увидали всадники кого-то! – Молодой воин протянул вперед одетую в меховую рукавицу руку.

– И точно, гляди-ка! – Ветеран, как видно, тоже это углядел. – Вона, это они нам ведь машут. А ну разворачивай быстро сани! Тут, если что, только по одному этому руслу можно назад уходить!

Не успели они еще развернуться, как подскочил конный из передового дозора.

– Десятник говорит, что большой обоз впереди к нам катит, только вот странно, совсем он там безо всякого охранения. Одни лишь сани в нашу сторону идут. Повремените пока отходить, братцы, но, однако же, к бою приготовьтесь!

– А то мы и сами это не знаем, – проворчал Еремей, проверяя взвод своего самострела-речника.

Через минуту показался и сам обоз. Не останавливаясь, мимо русского дозора, его сани проносились дальше.

– Даны и харью идут! – выкрикнули возникшие эсты-вирумцы. – Ближе они! Уходите!

Первая, вторая, третья повозки пролетели мимо. С четвертой, пятой и шестой спрыгнуло по воину, и они подбежали к саням русского дозора.

– Братцы, мы свои, русские! Узнаете?! – выкрикнул подбегающий крепыш. – Я Первак, а это Истома с Серафимом. Из той пластунской сотни мы, что летом в Вирумию заходила. С немцами и угандийцами бились и ранены были, а теперь вот с обозом в Нарву возвращаемся.

– Наши, точно наши! – подтвердил Митяй. – Мы в одном речном караване с ними в Нарву шли. Серафим, привет! – крикнул он, разглядев знакомого пластуна.

– Тихо! – осадил молодых воинов Еремей. – Потом уже обниматься будете, вона, конные наши сюда скачут!

Как видно, старший русского дозора уже переговорил с вождем вирумцев, и теперь все всадники оттягивались к саням, а за ними вдалеке уже виделся большой конный отряд погони.

– Еремей! Перегораживай санями реку! Быстрее! – донесся крик десятника.

«Ну, вот и все, сейчас его отряд разматывает этот заслон из лесовиков, посечет всех мечами, а потом бросится вдогон за санями с добычей», – думал Холдор, настигая своего коня. Он выставил вперед копьё, уже представляя, как его острый наконечник пробьет с хода тело первой жертвы. Вот они, всего-то чуть больше половины сотни воинов, что засели за тремя санями. Жалкая преграда для его отряда!

Громкий звук рога донёсшийся от стоявшего и трубившего в него перед санями воина, облаченного в хороший доспех, словно ударил его по голове. Точно такой же звук он не раз уже слышал от руссов, когда они шли в битву при Нарве, Раквере, Ярве или перед Ревелем два года назад. И этот богатый доспех, сочетающий в себе кольчугу с пластинчатой броней и островерхим шлемом, – он тоже сразу же бросался в глаза. Командир датской крепости Jeruius был опытным воином, и, располагаясь на границе с новгородской землей, он хорошо уже изучил ее воинов. Не было никаких сомнений – перед ним был русский, да еще из дружины!

– Hold op!² – прокричал рыцарь, и его конь остановился буквально в трех шагах от пешего воина. Бока огромного коня, накрытого попоной, дрожали, а из широко открытых ноздрей слышалось шумное с хрипотцой дыхание. Он очень долго скакал, повинаясь желанию своего господина. А тот молча сидел, глядя в глаза из-под забрала в стоящего. Острое жало копья дана замерло, нацелившись в его грудь.

– Прочь с дороги! – раздался глухой басовитый рык из-под шлема рыцаря. – Мы не воюем с русскими, но пусть и они не мешают нам наказывать наших врагов!

– Я старший дальнего дозора новгородской крепости Нарва, пластунский десятник Андреевской бригады Спиридон, по батюшке Святозарович, – русский, представляясь, хлопнул себя по броне на груди. – А вот кто такой будешь ты?

– Перед тобой, десятник, комендант датской крепости Ярве Холдор из славного и благородного рода Могенсона! – выкрикнул датчанин и поднял забрало. – Мы теряем время! – недовольно выкрикнул он, нахмурившись. – Прикажи своим людям растащить сани и освободить нам путь, а сами ступайте куда хотите!

– Я знаю тебя, рыцарь Холдор Могенсон, – с какой-то скрытой иронией в голосе проговорил русский. – Мы уже встречались больше трех лет назад на такой же вот зимней лесной дороге в ижорских землях, когда моя бригада шла походом на тавастов. И ты опять требуешь освободить тебе и твоему отряду путь, находясь снова на моей же земле. Как такое понимать, славный рыцарь? Или для тебя не указ договор твоего короля Вальдемара с нашим князем Ярославом о передаче всей Нарвской волости во владения Новгорода? Или, может быть, ты и вовсе не признаешь союзный договор между нашими державами и их властителями?

² Стой! (Дат.)

Холдор молча сидел на коне, вот только наконечник его копья опустился вниз. Наконец он каким-то тусклым голосом ответил:

– Указы моего короля священны для его подданных, и они обязательны к исполнению. Я признаю эту землю за русскими и признаю союзный договор между нашими державами, – и, побагровев, он вытянул копье в сторону стоящих за санями воинов вирумцев. – Но там, среди твоих воинов я вижу эстских собак из мятежного лесного племени. Они убили подданных короля и должны ответить за пролитую кровь! И ты, десятник, не вправе мешать нам вершить над ними суд! Отдайте их нам и идите туда, куда вам нужно! Если же вы будете нам препятствовать в этом священном праве мести, то она падет и на вас тоже!

– Каиро! – выкрикнул, не оборачиваясь, Спиридон. – Где на вас совершили нападение люди датской короны?

Из-за саней, отложив свой самострел, поднялся походный вождь вирумцев.

– Харью напали на нас первыми, когда мы шли по реке Алайыги, на спорной между нашими племенами земле. А вот даны – они напали уже после озера Консу, когда мы уходили на восток.

– Холдор из славного и благородного рода Могенсон, – покачав укоризненно головой, обратился к рыцарю Спиридон, – а ведь вы разбойничали на нашей, на новгородской земле. Меня не интересуют лесные войны между эстами, они постоянно и веками между собой ратятся, а потом вновь мирятся. Но вот по какому такому праву люди датского короля напали на наших союзников, которые везли нашу долю добычи после битвы с дерптцами, да еще и возвращали наших раненных в этой битве людей?! Вот этого я никак не могу понять! Или вы этого не знали, или действительно хотели присвоить себе наши трофеи, а еще и убить наших людей? Так отвечайте же!

Над лесной зимней дорогой нависла напряженная тишина, только похрапывали и переступали кони в стоящих на льду сотнях. Да еще нет-нет доносилось позвякивание оружия и брони.

– Я этого не знал, – буквально выдавил из себя рыцарь.

Он пристально оглядел весь заслон, обдумывая свои дальнейшие действия. Так, тут полсотни лесовиков. Эти голодранцы его воинам всего на две-три минуты легкой сечи. Среди них полтора, а, нет, скорее все же два десятка руссов. Вот с ними, конечно же, будет гораздо тяжелее. У каждого в руках хороший самострел, а из брони как минимум кольчуга и шлем. Все они к тому же с мечами и копьями. И все равно окружить всех здесь двумя сотнями харью, а вот самим навалиться всей массой спереди. Уж они точно не устоят, все до одного полягут в бою. А вдруг у новгородцев здесь еще есть люди?! Они очень коварны и опасны! Он ведь и сам видел два года назад, когда они шли совместно на Ревель, как их лесные дружины выбивали латную немецкую кавалерию из засад. Точно, весь свой отряд можно здесь положить, а уж он будет для их стрелков самой первой и желанной целью. «Нет, очень опасно нападать, – колебался рыцарь. – Да и не скроешь потом такое». Нарвцы непременно будут искать своих людей, да и среди его подчиненных есть те, кто сможет донести в Ревель об этой схватке. Король и управляющий в Эстляндии от его имени герцог Кристофер сейчас очень дорожат добрыми отношениями с руссами. А ведь выживи он в этой сече – и его голову потом все равно могут отдать Новгороду с извинениями и золотом, лишь бы все поскорее забыли об этом инциденте. «Нет, все же придется уходить обратно. Пока не время пускать здесь русским кровь, – решил Холдор и начал разворачивать своего коня.

– Тебе и твоим воинам сегодня очень повезло, десятник! – крикнул он, обернувшись. – Я чту указы своего короля. А вот этим лесным собакам, что прячутся сейчас за вашими спинами, еще придется возвращаться назад. И с ними у нас будет особый разговор. Прощай, Спиридон, а лучше до встречи! – И он, прищипорив коня, взял с места в галоп.

Глухой топот стих вдали, и Митяй разжал ладони, удерживающие ложе самострела.

– Уф, неужто пронесло, братцы?

– Похоже на то, братка, – проворчал Марат, выпрыгивая из саней на лед реки. – Поживем еще!

– Спиридон, по батюшке Святозарович, а где же это ты так на чужом языке красиво балакать-то научился? – со смешком спросил десятника дядька Еремей. – Иной раз и по-нашенски-то немногословен, а тут так и чешет, так и чешет по-иноземному.

– Да это моему командиру, Родиславу, спасибо, – усмехнулся старший русского дозора. – Не раз, бывало, показывал он нам, неучам, как это полезно, когда ты по-чужеземному излагать умеешь. За три года мы ведь все в его полусотне освоили по паре языков. Это сначала вроде бы как тяжело, а потом потихоньку, помаленьку уже и втягиваешься. Ладно, расцепляй сани, лошадей запрягайте, – скомандовал он своим людям. – Нам еще обоз догонять, он-то с перепугу, небось, уже к реке Нарве подкатывает. Пойдем тоже с ним к крепости. Вряд ли, конечно, эти возвратятся, но все же поберечься нам следует.

Глава 3. За княжым столом

– Я еще три года назад, после «ледяного похода» к тавастам, замыслил выбить немцев из нашего Юрьева, но вот видишь, как все случилось? – Ярослав поморщился и отпил ставленого меда из небольшого зеленого богемского кубка. – Наливай и себе тоже, Иванович, чай уж попростому, по-свойски сейчас сидим, вот и нечего нам сюда чашечников звать, – князь кивнул на большой глиняный кувшин с напитком. – А ежели хочешь, так вон фряжского себе плесни, ты же у нас барон!

– Нет, княже, благодарю, довольно мне уже, – ухмыльнувшись, покачал головой Андрей. – Завтра нам в дальнюю дорогу с утреча, хочу, чтобы голова легкой была.

– Да проветрится твоя голова, не бои-ись, – засмеялся Всеволодович. – Сейчас, в конце февраля, вона как часто вьюги налетают. Пока вы там до поместья своего будете идти, чай, уж не в одну метель во время пути попадете. Давай, давай, наливай маленько, – подбодрил он Сотника. – Я ведь и сам бражничество не одобряю, но вот бывает надобно иногда так вот, после больших волнений и тревог посидеть. А уж тем более когда рядом с тобой человек хороший, надежный. Неужто не поддержишь ты своего князя, а, Андрей Иванович?

Сотник посмотрел на слегка захмелевшего Рюриковича и ответил ему с легкой улыбкой:

– Поддержу, Ярослав Всеволодович, ну как мне тебя не поддержать? Когда мне еще вот так, да за княжым столом доведется сидеть?

Он подтянул к себе поближе кувшин, наполненный легким медом, настоящим с мятой и пряностями, и отлил из него в свой кубок.

– Ну вот, хотя бы и так, – хмыкнул Ярослав. – Здрав будь, воевода! – и он разом ополовинил свой кубок. – Тяжелые эти три года были для нас, ох и тяжелые, – продолжил он далее излагать свои мысли. – Я уж было подумал, что в этих кровавых междоусобицах и вотчину свою потеряю Переяславскую, и Новгородского стола навечно лишусь. Все ведь против меня было. Со многими же рассорился, яро стоваривая князей воедино против запада стоять. Прав ты был, Иванович, когда говорил, что в одних руках вся верховная власть должна быть. Коли будет единая Русь, так и отбиться от любого врага она сможет своим большим и общим войском. А вот сейчас у нас что? Каждый клан: Олеговичи ли, Мстиславовичи, Игоревичи, Святославовичи ли, да и все прочие, только лишь на себя одного одеяло тащат, и на междоусобной войне они кровь своих лучших воинов льют. Тех воинов, которым бы злым соседям надобно укорот давать. Ан нет! Пусть уж лучше чужой это соседское заберет, чем вдруг он сам сильнее тебя потом станет! Раздробленность наша нас и погубит, Андрей! – и князь стукнул с досады кулаком по столу.

Дверь хлопнула, и в светлицу заглянули три головы ближников.

– Вон подите! – крикнул недовольно князь. – Говорил же вам, что со своим человеком я буду сидеть!

Головы мигом пропали, а он, ворча, отпил из кубка.

– Ну ведь нигде мне покоя нет! Всюду я под приглядом и с прислухом. Да-а, тяжелые эти года были, ох и тяжелые. Еще этот голод, разбой и распря. Ослабла наша северная земля, Андрей. Если бы мы в свое время тавастов со свеями хорошо эдак не побили, небось, ты сам представляешь, что бы тогда было? Они бы точно карелу кончили, а потом и всю Ладогу под себя забрали, заперев тем самым нам выход в Балтийское море. А немцы с данами еще бы и водь с ижорой под себя подмяли, как вон недавно наш Юрьев. И так ведь даже уже в самом Пскове ливонцы обосновались. Еще немного, еще чуть-чуть – и уже на Новгород они полезут! Вот я, Андрей, и тужу за эти все потерянные года. А ведь как все хорошо начиналось! С Миндовгом мы по душам сговорились. Его от немцев к себе, к Руси склонили, и общим походом

уже было на латинян пошли! А тут вдруг раз – и это чернолетье нагрянуло! И все мои труды разом насмарку!

– Ничего еще не потеряно, княже! – успокоил Ярослава Сотник. – Северная Русь, конечно, сильно от голода пострадала, но народ наш не сгинул. Сам же вот говорил давеча, когда мы стук топоров с колокольни слушали, что восстановится Новгород, и вся земля вокруг него тоже вскоре воспрянет. На семена зерно у нас есть, по весне, как и обговаривали, уйдут малые караваны по всем пятинам и раздадут его крестьянам. Года три пройдет – и снова здесь народ оправится. Набуянил, вкусил он кровавой свободы, теперь только лишь одним миром и трудом всем жить охота. Так что престол твой в Новгороде как никогда будет дальше крепко стоять, князь. Ну а уж мы его обороним от внешнего врага.

– Все так, – кивнул князь. – Мятежники к Михаилу Черниговскому сбежали и теперь его там подзуживают снова на Новгород идти. Брани усобной я не желаю, но и слабость показать мне никак нельзя. Иначе раздавят! Думаю я в этом году решить все внутренние свои дела. Здесь на престоле оставляю сыновей с малым войском, а сам с дружиной князю Михаилу и беглым мятежникам укорот дам. С братьями все обговорю, уж, думаю, поддержат они меня. Коли не захочет Черниговский князь от Новгородского престола отказаться, так, значит, быть брани! Оставлять его за спиной, когда я буду с немцами ратиться, никак мне нельзя. Вот уйду походом в Ливонию, а он тут как тут, обязательно ведь снова сюда нагрянет. Ну а коли захочет он все миром решить и поклянется на кресте, что не претендует более на власть в Северной Руси, да еще и изгонит от себя мятежников, так и ладно, значит, не враждовать нам с ним более. Пусть вон на юге свои дела делает, перед ним же бескрайнее Дикое поле, откуда постоянно степняки набегают. Вот и пушай с ними ратится и обороняет южные рубежи. На все это мне нужен год, Андрей Иванович. И вот коли решится все с Михаилом, так потом я уже смогу все свои полки на немцев двинуть. Но и этот год нам тоже терять никак нельзя! Перед большим походом надобно серьезно подготовиться. Самая большая опасность для нас – в объединении врагов. Мы-то, может, и одолеем их всех, но вот крови нам это будет стоить очень большой! Сам же понимаешь: неприятеля лучше бить поодиночке. Союз данов с немцами пока, слава богу, невозможен. Вольдемар никак не простит им отгрызенных от его королевства земель Шлейзвика и Голштинии, ну и того коварного натиска на Эстляндию, когда они по кусочку отъели ее всю. Только ведь благодаря нашей помощи удалось обратно ему ее земли вернуть. И король это пока помнит. Поэтому удара в спину, пока мы будем ратиться с немцами, я от него не жду. У него вон сейчас и со свеями своих забот хватает. Да и с нами ноне серьезный и взаимовыгодный союзный договор имеется. Так, далее – свеи. Нам они нынче тоже не помеха, мы их хорошо недавно в Тавастии потрепали. А потом, они сейчас внутренней своей войной и смутой внутри королевства ослаблены. Как там твой родственничек, Эрик, поживает, что был изгнан Кнудом Хольмгерссоном с престола?

– Да хорошо все у него, – пожал плечами Сотник. – Говорит, что ему у меня нравится. Лечится, читает запоем, гуляет вон постоянно. Недавно даже в ратную школу сподобился заходить, несколько раз в седмицу молодым про античную историю рассказывает и латинскому с греческим языком их учит. Здоровье на поправку у него пошло, порозовел вон даже. А то ведь худой и бледный, как смерть, был, ходил, весь согнувшись, нога не сгибалась. А сейчас ведь и не узнаешь его. То ли термы помогли, то ли снадобья моих лекарей, а может, и то, что груз забот державных разом спал с его плеч, и на душе оттого стало легче.

– Да-а, – вздохнул Ярослав, – груз забот спал. Как бы я вот так же хотел: без забот, без тревог и без всякого страха за свою жизнь и за жизнь детей пожить. Но ведь нет! – и он с силой сжал кулаки. – Нужно все время быть готовым к бою, чуток зевнешь – глядь, а тебя уже и слопали. Ладно, привет ему передавай, немного спокойнее станет – обязательно я к нему наведаюсь. В термы твои опять сходим, пива, медов вместе отведаем, – он усмехнулся и допил

из кубка. – Все, довольно на сегодня, – и отодвинул посудину из зеленого богемского стекла в богатой серебряной и золотой отделке подальше от себя.

– Так, про данов и свеев мы обговорили, удара пока от них мы не ждем. Остаются немцы и литвины, – перечислял Ярослав. – Литвины, хм, – хмыкнул князь. – Ну, что сказать, сильный и свободолюбивый народ. Не раз уже мы с ними ратились. Было время, большая часть их ведь под Киевом ходила, но это пару сотен лет назад было. Когда вся наша земля в едином кулаке была. Чего уж теперь-то об этом толковать? Сейчас восточные литвинские племена сбиваются князем Миндовгом в одну державу. Под его сильной рукой уже все русины, литва, аукшайты, селы и ятваги находятся. Им противостоят западные племена – это жмудь, скальвы, курши и земгалы. Которые, в свою очередь, объединяются князем куршей Мачеем. Западные племена – они более восточных разобщены. У них у всех впереди только лишь свое «я», а уже потом «общее», и Миндовг понемногу начинает их одолевать. Но сил у него для решительного удара пока что недостаточно, и он остро нуждается в помощи. И вот тут на арену всего этого противостояния между балтами выходят немцы. У меня есть сведения, что рижский епископ вместе с магистром Ордена меченосцев ведут здесь свою давнюю и хитрую игру. С каждым из племенных объединений они пробуют договориться и пытаются исподволь, понемногу подчинить их своей воле. Не все тут у них пока еще получается, балты – они ведь тоже не дураки и прекрасно видят исходящую от немцев опасность. Но вот то, что те настойчиво окутывают их своим влиянием, – это правда. Если вдруг так случится, что литвины станут вассалами ливонцев, как это уже произошло с теми же ливами, латгалами и угандийцами, то они сметут русские Полоцкое и Смоленское княжества, ну и, разумеется, полностью заберут под себя наш Псков. Нет ничего страшнее, Андрей, для нас вот этого союза балтов и немцев! – стукнул кулаком по столу Ярослав. – Вот поэтому я и думаю, что было бы правильным поддержать князя Миндовга в его борьбе с Мачеем за верховенство над всеми литвинами. А уж потом мы совместно, как это и планировалось три года назад, по немцам ударим. Как тебе такое?

– Ну-у, вполне разумно, Ярослав Всеволодович, – согласился с князем Сотник. – Как сила, противостоящая натиску немцев в Восточной Прибалтике, литвины подходят более всего. Народ этот сильный и свободолюбивый. Уж лучше нам с ним союзником быть, чем постоянно ратиться. Тем более что с Миндовгом у нас и так уже есть добрые отношения. Еще бы вот породниться с князем, так и вообще бы хорошо было.

– Всею свое время, – усмехнулся Ярослав. – Мы предварительно уже об этом с ним говорили. Препятствие тут только в том, что сын Миндовга, да и он сам, язычники, но думаю я, что и это со временем решаемо. Немцы вон активно к литвинам засылают своих миссионеров и настойчиво пытаются их склонить к латинской вере. Но насаждают они ее, как это у них водится, огнем и мечом, для нас же такое непозволительно. Ничего, вот сдружимся, прольем кровь в бою под одними стягами, глядишь, и присмотрятся к нам литвины. А уж там и по обращению их в православие можно будет решать. Но до этого пока далеко, давай-ка мы будем сейчас о близком для нас думать. Помнится, три года назад, во время встречи с Миндовгом, когда он в Новгород с посольством приходил, ты рассказывал, что в его свите у тебя есть человек? Хорошо бы было, Андрей, с ним опять встретиться. У меня в Вильно тоже есть тот, кто приглядывает потихоньку за литвинами. Но он близко во власть не вхож и смотрит как бы со стороны за всеми тамошними делами. Было бы правильно нам объединить наших людей, чтобы они могли активно влиять на прорусскую сторону Миндовга и чтобы попробовали оттеснить от него всех тех, кто клонит князя к ливонцам. Много времени на это у нас нет, поэтому придется там действовать быстро. Моя к тебе просьба: отложи на день свой отход в поместье, а я к тебе с утра своего человека пришлю, вот ты и потолкуешь с ним о делах литвинских. Подбери хороших людей, и вот пусть они вместе-то и отправляются в Вильно. Ну а к следующей зиме, я думаю, туда правильнее будет отослать и воинскую силу, чтобы она помогла Миндовгу в борьбе за верховенство над всеми литвинами. Если все там удачно сложится, то

потом можно будет и совместно уже нам на Псков идти, очищая его от немцев, а то и дальше. И я думаю, что твоей дружине это все вполне по плечу. Не хочу я тебя в усобицу втягивать с черниговцами. Знаю, что тебе такое не по нутру. Вот и разбирайся ты лучше с врагом на западе, пока я буду все внутренние дела решать.

Андрею, конечно, не по нутру было лить кровь, пусть и соперников Ярослава, но все же русских людей. А без этого сейчас, похоже, обойтись было никак нельзя. Объединение Руси под одной дланью мирными убеждениями было явно невозможно.

«Пусть уж этим действительно сам князь занимается, а по мне, так лучше с внешним врагом воевать!» – подумал он и решительно кивнул.

– Я готов, Ярослав Всеволодович! К следующей зиме моя тысяча конных с обозом присоединится к рати Миндовга и поможет ему.

– Ну, вот и ладно, – улыбнулся Ярослав. – А то в дорогу, в дорогу ему поскорее нужно идти. Даже и со своим князем посидеть некогда. Ну, давай, что ли, еще по одному кубку, да и, пожалуй, хватит, вона, на дворе-то уже ночь давно. Пора нам и в опочивальню идти.

Через день в последних числах февраля большой обоз и конная рать Андреевцев уходили из Новгорода в сторону Ильмень-озера. Провожало их масса народу. Огромному русскому городу вымирание теперь не грозило, и во многом заслуга в этом была вот этих самых ратных людей.

Через три дня на лед Волхова выкатили и запряженные в парную упряжь восемь крепких саней. Небольшой обоз уходил в дальние литвинские земли. Зеваки, традиционно слоняющиеся у берега реки, уже знали: купеческий караван расторгаться в Вильно пошел. А почему в его охране столько боевитых воев? Так ведь и время же нонче худое! Без хорошей сторожи сейчас и по торговым путям ведь даже не пройти!

В десятых числах марта из Новгорода на юг уходили Переяславские полки во главе с Ярославом. Князь сумел унять всякое волнение в городе, предал суду пойманных лихоимцев и разбойников, навел повсюду строгий порядок. Люди этого свободолюбивого и своевольного города, измученные голодом, неопределенностью и кровавыми мятежами, хотели сейчас только лишь одного – уверенности в завтрашнем дне, стабильности, работы и покоя. На всех ключевых постах во власти теперь стояли лояльные Ярославу люди, а на княжении оставались его сыновья Федор и Александр. Самого же Ярослава Всеволодовича ждали теперь дела в центре Руси. Ему нужно было решать вопросы со своими соперниками и конкурентами за власть.

Глава 4. Прогресс

– Илья Ярилович, а по сколько зарядов у тебя сейчас на каждое орудие? – Сотник, стоя у большой, поблескивающей бронзой пушки, похлопал ее по массивному стволу.

Старший всей орудийной дружины достал древнюю разновидность блокнота, представляющую собой переплетенную между дощечками стопку плотной бумаги, и, пролистнув несколько страниц, читая, зашевелил губами. Потом, как видно, подбив все в уме, неспешно доложил:

– По семи самым малым пушкам, на каждую по двадцать зарядов, по десять ядер и еще два раза по пять – это картечи. Пять, стало быть, – это мелкой ближней, и пять дальней крупной. Так, теперяча средняя пушка. Их у нас сейчас имеется пять штук. Тут по всем зарядам все столько же, сколько и у мелких. Ну и вот у тяжелых пушек, – погладил он отшлифованный гладкий ствол. – Вот эту третью после испытаний на полигоне мы закатили сюда только позавчера, к ним у нас зарядов всего ничего. На каждую по восемь получилось. Пять для ядер и три для дальней крупной картечи.

– Да-а, мало, считай, что даже совсем ничего, – сокрушенно покачал головой командир бригады. – Тут ни на полевое сражение, ни на штурм замка не хватит, так, если только попугать кого маленько. Добрила Воятович, совсем все с порохом у нас худо? – спросил он стоящего среди мастеровых старшину порохового дела.

Назначенный на эту должность из кожемяк, дубильщиков и затравщиков серьезного вида коренастый мужик сделал два шага вперед и, приложив руку к груди, легко поклонился.

– Андрей Иванович, я по вашему приходе из Новгорода уже докладывал, а сейчас и для всего нашего уважаемого порохового совета повторюсь. Готовой пороховой смеси, еще не разложенной по зарядным мешкам и по боевому припасу, у нас считай, что и вовсе даже нет. Серы, привезенной из итальянских земель, аж целый огромный сарай стоит. Углежогги Василия хорошего угля из крушины нажгли много, ну, просто немерено. Но вы ведь и сами уже знаете, в чем сейчас загвоздка, а она в том, что свободной селитры-то у нас вообще даже не осталось. Все то, что было вывезено из дальних заморских земель приказчиками Путяты Селяновича, уже полностью нами выработано, а слаженные, готовые заряды переданы орудийщикам. Даже на испытание этого нового грану... грану... гранульного, – Добрило с трудом, буквально по слогам произнес совершенно новое для него слово, – грану-ли-ро-ван-но-го. Во! Гранулированного пороха где-то с четверть пуда всего осталось.

– Ну да, с этим мы пока ничего поделать не сможем, – огорченно вздохнул Сотник. – Ждем конца лета, когда Рузиль Имамеевич свои селитряные бурты вскрыет. В прошлое, в холодное и дождливое мы их смотрели, и там белый порошок уже начал откладываться. Золы, поташа в эти бурты добавили, вот теперь я надеюсь, что ближе к августу-сентябрю дадим мы тебе селитру, Воятович. Сколько у нас всего тех буртов? – спросил он у главного животновода поместья берендея Рузиля.

– Тех, что мы почти три года назад закладывали, у нас шесть, – доложил тот. – Ну и так, каждый год мы еще по три новых наваливали. А в этом году, если нам погода даст, так даже и пять, а то, глядишь, и все шесть сладим. Лука Мефодьевич обещал нам большие щиты наколотить и навесы, где надо, поставить, для того чтобы лучше все в этих буртах зрело.

– Сладим, чаво уж тут! – проворчал главный плотник. – Чай, бревна уже на распиловке лежат, своего часа дожидаются. Вот как только большое половодье пройдет и вал начнет крутиться, так в первую очередь для тех селитряных буртов мы все те наготовленные бревна на доску распустим.

– Андрей Иванович, я, пока суть да дело, пожалиться вам хотел. – Главный пороховой старшина вытащил из кармана два небольших мешочка и развязал на каждом узелок. – Вот это,

стало быть, самый обычный порошковый порох, – встряхнул он перед зрителями содержимым одного. – Да вы его и сами не раз уже видели. Ну а вот здесь у нас насыпан гранульный, тьфу ты, гранулированный. Вот, гляньте.

Десяток мастеровых старшин каждый взял по щепотке этого нового порошка и рассыпал его у себя на ладони.

– Ну, видите, как он отличается?

– Ну да, пупырчатый такой, словно бы крупный песок, – пробасил главный кузнец Никита.

– Во-от! Мы с Андреем Ивановичем долго думали тут и потом измыслили, как бы это нам порох усилить. Вернее, я-то, конечно, не очень тут все понимаю, и Иванович как бы сам мне все объяснил. А уж потом и до меня его задумка дошла, и я ее уже потом воплощать начал. Ну, вот, чтобы вы тоже знали, о чем я сейчас речь веду. Горючего у нас здесь никакого нет в этом самом орудийном сарае, ибо весь боевой припас – он ведь отдельно от пушек хранится, так что я проведу перед вами один очень антиресный опыт. Ванька, Ефимка, а ну тащите сюда те доски, что я давеча отложил!

Два мастеровых быстро подбежали с широкими длинными досками и положили их на землю перед высоким собранием.

– Воду теперяча не забудьте притащить! – наказал им Добрило и, нагнувшись, рассыпал на каждой доске по тонкой длинной дорожке из пороха. – Вот это обычный, порошковый, – показал он на одну дорожку, – а вот тут у нас, значит, рассыпан гранульный. Ну а теперяча начинается и сам наш опыт.

Выбив кресалом о кремень искру на сухой трут, он раздул огонек и потом поднес его к доске с обычным порошковым порохом. Дорожка эта ярко вспыхнула, и огонек с шипеньем и дымом побежал по доске.

– А вот теперяча гранульный! – и он снова поднес огонек уже к другой доске. Здесь горение происходило гораздо ярче, громче и, главное, быстрее. Не успела еще прожечься до половины первая дорожка, как вторая с гранулированным порохом уже выгорела вся полностью.

– Вот, всем понятно, чего у нас здесь получается? – Пороховой мастер с победоносным и важным видом оглядел всю толпу зрителей.

– Горит быстрее, – пробасил Никита.

– Жара у гранульного больше и шума, – выдал свою версию литейщик Федор.

– Во-о! – поднял указательный палец вверх Воятович. – Силы в этом новом порохе гораздо больше, чем в обычном. А это значит что? Значит, что его можно гораздо меньше в заряд класть, ибо он и так сильнее старого, порошкового. И ядра или там картечь станут у нас теперяча гораздо дальше лететь и, стало быть, будут сильнее ворога бить.

– А ежели он нам теперь стволы на пушках разорвет?! – забеспокоился главный орудийщик. – Мы-то испытывали их все на самом обычном, а не на гранульном. И так ведь вон сколько намучились, пока кузня Никиты Еремеича не начала нам вкладыш для казенной части ствола выковывать. Пушек пять точно у нас на испытаниях в прошлом году разорвало с цельнолитыми стволами.

– Ну, Илья, теперяча это уже твоя забота все в орудиях до ума доводить, – пожал плечами Добрило. – Думаю, что придется теперь их все сызнова испытывать. А то ведь, не дай Бог, в бою вы маненько заряда не рассчитаете, и тогда всю орудийную прислугу может одним взрывом побить. Сила-то ведь сами знаете, какая могучая в этом порохе.

– Да-а, силе-ен! – загудели в толпе. – Нужно все сто раз теперь перепроверить!

– Ну, вот и тут я, собственно, перехожу к своей печали, – вздохнул пороховой мастер. – Пока у нас селитры было мало, сделать пуд гранульного пороха большого труда нам не составило. Собственно, это ведь простое протириание влажного порохового состава через металлическое сито с нужного размера в ней ячеей. Вот от размера-то этих самых ячеек и зависит,

какие будут пороховые гранулы. В механическом заводике дядьки Кузьмы на нашу просьбу откликнулись и всю заказанную приспособь очень быстро изготовили. Ну а дальше-то дело простое. В пороховую мякоть мы добавили немного воды, а затем все это хорошенько размешали. Затем туда же плеснули скипидарной жижи и снова все давай мешать. Как только у нас получилось что-то похожее на эдакий влажный творог, мы вот эту самую мякотку начали потом уже протирать через сито. А вот затем хорошо и долго все сушили. Да-а, очень долго она сохнет, – вздохнул Добрило. – Так вот, как только протертая мякоть высохнет так, стало быть, и все уже, гранульный порох у нас готов. Я почему ваше время занимаю, господа совет? – развел руками Воятович. – Чтобы вы и сами поняли, какое это простое, но муторное дело. Слушаю я, какие планы у нас на этот порох, и волосы у себя на голове деру. Это сколько же нам пороха-то совсем скоро понадобится?! И выработать его нужно будет этим летом, самое позднее – осенью, причем очень и очень много. Вот посмотрю я на целые сараи, забитые углем и серой, и понимаю, что не справимся мы с такой задачей. Вот потому и просьба у меня будет сладить механизмы для такого важного дела. Сильно вам головы я не собираюсь здесь ломать и все объясню по-простому. Второй способ изготовления грану... гранулированного пороха – это прессование чуть-чуть влажного состава, а уже потом дробление его на мелкие гранулы. И тут мне будет нужен хороший пресс, примерно вот такой же, какой я видел у наших бумажников и у печатников книг. При втором способе изготовления пороха замес будет примерно похожий на тот, что и в первом случае, только, думаю, воды и спирта туда можно будет добавлять гораздо меньше. Полученную массу мы потом станем выкладывать под пресс, и чем больше на нее будет давление, тем нам же лучше. Состав этот мы подержим под упором подольше, ну, скажем, целую ночь, и затем уже будем вынимать полученную пластину-блин. Опять же потом сушим ее и дробим на мелкие гранулы. В этом, во втором случае выход пороха у нас по скорости увеличится в три, а то, может быть, даже и в четыре раза. И все это ускорение случится за счет прессования, ибо наша пороховая и капризная масса во втором случае будет сохнуть гораздо быстрее, чем в первом. Вы, небось, и сами прекрасно понимаете, что нагревать нам ее ну никак нельзя, ибо очень опасно. Так что если и сушить порох, то строго при внутридомовой, обычной температуре. Ежели механики нам сладят два, а то и три хороших больших прессы, то думаю, что пудов сто я вполне даже за месяц смогу выдать.

– Ну во-от, сто пудов – это уже дело! – обрадованно воскликнул командир орудийщиков Илья. – И для боя достаточно, и на обучение орудийной прислуги можно будет тогда пороха не жалеть, как вот сейчас.

– Кузьма Кузьмич, Никита Еремеевич, принимайте задание от порохового старшины, – кивнул на Добрилу Сотник. – Месяца четыре у нас пока есть, надобно все то сладить, что им нужно. Лука Мефодьевич, ты тоже посмотри, может, на пороховом заводике пристроить что-нибудь можно, ну или расширить там чего.

– Хорошо, хорошо! – ответили мастеровые начальники.

Люди начали выходить из сарайки, и пока двое подручных проливали из кожаных ведер тлеющие доски, командир орудийной дружины придержал Сотника.

– Андрей Иванович, орудийную дружину, как вы и приказали, я нонче сколачиваю. На пушечную сотню у меня грамотный Ипат встал, и теперь он сам начинает в ней орудийные расчеты готовить. На дальнеметную я грамотного и сноровистого Егора старшим поставил, то вы и сами уже знаете. Хотел вот сейчас уточнить по этой вот, по второй, дальнеметной сотне. Долго ли она у нас будет? Не получится ли так, что мы сейчас начнем в ней людей готовить для работы на онаграх и на стрелометах, а тут вдруг раз – и всем вскоре придется только лишь из одних пушек стрелять?

– Не придется, Илья Ярилович, – успокоил главного орудийщика Андрей. – Пушки – это ведь орудия будущего, чтобы их наделать в должном количестве, нужно много, много времени и очень много дорогого материала, да и будоражить врага нам ими пока что рано. Они в боль-

шом количестве понадобятся нам в отдаленном будущем при отражении монголов. Именно к их нашествию мы и будем копить большой пороховой припас и сами огнестрельные орудия. А вот чтобы должный навык боевой работы с ними появился, мы позволим ими перед этим еще и на западе, но только начальными и небольшими силами. Весь упор у нас по огнестрельным пороховым орудиям, повторюсь, против монголов. Но и совсем без них нам ведь тоже никак нельзя оставаться. Вот тут на лет десять, не менее, а думаю, что даже и больше, нам-то и нужны будут торсионные дальнеметные механизмы.

– О-о, ну, десять лет – это ведь ого-го сколько! – воскликнул воспрянувший духом Илья. – За десять лет и чего ведь только не случится! Тогда, конечно, и ими еще позволим! А что, бой у наших новых онагров большой, пудовую каменюку они теперь дальше пяти сотен шагов уверенно кидают, а со стены так и еще даже дальше. Сам вес их стал гораздо меньше, и теперь они хоть на санном, а хоть даже и на колесном ходу могут двигаться. Снарядов мы им надумали вон уже сколько. И зажигательные у нас есть, и осколочно-зажигательные, и взрывные-осколочные, и даже просто пробивные из камней или железа. Каких только у нас сейчас для онагров нет! Количество их вот только маловато, но это понятно, все опять же из-за недостатка пороха. Хотя если наш Добрило разойдется, то вскорости и его нам наготовит, ему ведь дай только из чего делать. Уж я-то его хорошо знаю, настойчивый и правильный он мужик. А по дальнеметным машинам на механическом заводе у нас сейчас уже седьмой стреломет-скорпион собирают, пятый полевой онагр и четвертый, неподвижный для крепости еще доделывают. Ну и к летнему речному пути, думаю, еще каждого орудия по паре, а то и по тройке штук к общему количеству прибавится. А это и для усиления Орешка с Нарвой, и для новой крепости на Котлине вполне даже пока достаточно. Ну и для полевой войны нам их тоже должно бы хватить. Сколько их все-таки нужно готовить, Андрей Иванович, тех онагров, которые можно на больших санях перевозить?

– Думаю, пяти пока будет вполне достаточно, Илья, – ответил Сотник. – Полевых на широких колесах для летней войны у нас сейчас шесть штук, и вот эти санные на широких полозьях мы еще сладим, и пока, пожалуй, нам хватит. У мастеровых и так ведь много работы, а нам сейчас камнеметы и скорпионы больше для усиления крепостей нужны. В маневренной, ну, то есть в подвижной, войне, каковая и предполагается на западе, нам этого количества пока что вполне достаточно. Они нам больше для взятия крепостей там потребуются. Только подумайте с мастерами, где бы на санных онаграх можно было бы еще хоть немного общий вес снизить, уж больно они тяжеловаты, сам ведь понимаешь.

– То да-а, – вздохнул главный орудийщик, – есть такое дело, понял я, Андрей Иванович, будем работать, имеются тут небольшие наметки у нас. Главное, чтобы при уменьшении веса и дальноточность с крепостью самой конструкции не потерять.

– Ну, на то ты, Ильюша, и старшина всей нашей орудийной дружины. – Сотник ободряюще похлопал коренастого воина по могучему плечу. – Больше с книгами работай, вон, в читальню при школе заходи, там сейчас новую комнату под названием «Библиотека» создали, и все первые книги, которые выходят у нас в типографии из-под печати, или даже обычные списки со свитков именно туда в первую очередь и поступают. Так что есть где теперь грамотности набраться. Послушай вон лекции в той же школе. У нас специально теперь некоторые в больших залах проходят. И туда для передачи своих знаний многие наши грамотные люди из поместных умельцев идут. Позавчера вон богемский мастер-стекольщик, Мартин Горст, рассказывал о своем сложном деле. Не пожадничал ведь, не поскупился, многие семейные секреты по выплавке и по получению всякого зелья, как тот же купорос, рассказал. Обещал он и книжицу еще написать. Послезавтра даже дед Кузьма там выступать будет, про механизмы всем любопытным расскажет, мне он вон всю макушку уже проклевывал, все вопросами пытается, потому как сильно волнуется. А на следующей седмице, в среду, и наш главный зодчий Александр Катракис будет о своем ремесле рассказывать. Про то, как правильно каменные строения

надобно возводить и как по чертежам все рассчитывать, ну и, соответственно, как их потом, эти строения, удобнее всего с воинской точки зрения разрушать, используя все имеющиеся уязвимые места. Полезно такое?

– Полезно, – согласился Илья. – Сам же знаю, что можно седмицу каменюки в стену метать, а ей хоть бы хны. А можно грамотно их в самое слабое место пару часов покидать, глядишь, стена и сама рухнет.

– Ну, вот, ты и сам понимаешь, какая польза от грамотности, – улыбнулся Андрей. – Так что не ленись и не бойся говорить про то, чего ты не знаешь, ибо всегда найдется тот, кто тебя этому научит. Да ему ведь и самому такое приятно будет. Как же, целому командиру всей орудийной дружины он помогает! Тут знаешь, как самооценка вверх-то пойдет! Ого-го!

Глава 5. Вильно

Небольшой обоз из восьми саней, пройдя Полоцк, зимником проскочил озера Нарочь и Свирь. Еще один небольшой переход по лесной реке – и за селом Ольховка уже совсем скоро должны будут начаться земли литвинов.

– Шумилович, мы совсем скоро из этой малой речки Страчи на большую Вилию выйдем, – объяснял следующему вместе с пластунским десятком Назару купеческий приказчик Малмыш. – Все, лихие места тут заканчиваются, ибо дальше уже князь Миндовг свою землю крепко держит. У него здесь, чай, не забалуешь! Чуть что, разговор у литвинов короткий: острая сталь или веревка – выбор небольшой для разбойных людей. Это вот у нас на окраине Полоцких владений они еще пока шибко озоруют, а там не-ет, там того не моги. Верст десять хода – и в устье этой речушки с Вилией будет на большом погосте воинский пост стоять. Тот пост, который мыто при въезде в Литвинское княжество со всех проезжих берет. У нас тут в обозе восемь саней, вот по парочке беличьих шкурок с каждой они и возьмут. И это, вы оружием там не бряцайте, литвины – народ гоношистый, как бы чего худого не вышло. Все-таки вы как бы из обычной купеческой охраны, а не из посольской, так что и статусом, выходит, поменьше.

– Да мы ведь, Малмыш, и сами из простых, – усмехнулся Назар. – Даже и не думали перед литвой хорохориться. С чего бы это нам? Так что ты даже не беспокойся, решай все дела по проезду, плати, сколько нужно, мзду, а нам бы только до Вильно поскорее добраться.

Обоз был небольшой, но охранялся он хорошо. На каждой из санных повозок, кроме возничего, сидело и по переодетому в самую простую одежду воину-пластуну. Пятеро их скакали рядом верхоконными. За всю дальнюю дорогу от Новгорода никаких нападений не случилось. Как бы ни велико было искушение у расплодившихся в смутное время многочисленных ватаг, но они, как видно, прекрасно своим нутром чувствовали, что перед ними не трусливые обозные мужики, а крепкие и закаленные в сечах вои. Видать, выдавали это взгляды, сама походка и манера держаться на частых здесь постоялых дворах. Такое читается внимательными людьми на раз. Ну а, как видно, непонятливых на этом оживленном и хорошо натоптанном торговом пути уже давно всех прикончили, еще задолго до подхода каравана.

Открывшаяся за поворотом преграда из трех саней вызвала скорее недоумение, чем чувство страха. Купец, скачущий на коне рядом с Назаром, резко потянул на себя узду, заставив коня вздыбиться. Остальные всадники действовали хладнокровно: придержав лошадей, они мгновенно распределились по всему речному руслу, а в их руках уже были самострелы и луки. То же самое случилось и с остановившимися санями. Восемь пластунов выскочили на лед. Две пары перебежали на берега, а четверка заняла позиции в голове обоза, выцеливая преграду из своих самострелов. Там же шло какое-то шевеление, мелькали за санями головы и тела, слышались громкие окрики.

– Малмыш, ты же говорил нам, что еще десять верст до погоста. Чего это тут нагорожено? – процедил Назар, поглаживая приклад своего речника.

– Так не доехали мы еще до него, – удивленно пробормотал купец. – Он ведь дальше гораздо, не знаю, кто это вообще тут может быть!

В это время от преграды опять послышались крики, и вперед вышли два разномастно одетых мужика. Передний, в богатой шубе, перепоясанный поверх нее широким кожаным ремнем, в блестящем округлом шлеме, вытащил из ножен меч, приосанился и, горделиво задрвав подбородок, громко выкрикнул:

– Почто без почтения к князьему посту подъезжаете, собаки?! Али вас вежеству не учили?! А ну быстро отвечать, кто вы такие и куда путь держите!

Назар напрягся, чуть приподняв самострел, и Малмыш легонько одернул его руку.

– Обожди, Шумилович, че-т я ничего не понимаю, а вдруг это и правда литвинский кордон? Там ведь тоже свои кичливые шуты есть. Нам вроде как не с руки ни с кем тут сейчас ссориться. Давай-ка я поговорю с ними покамест, их послушаю, вот мы и узнаем, что это за птица нам здесь попалась. А вы пока настороже и наготове все будьте.

– Ну, ладно, говори, – буркнул пластун, и купец выехал чуть вперед.

– Люди добрые, так мы караван купеческий из Господина Великого Новгорода! – громко выкрикнул Малмыш. – Везем товары в стольный град Вильно на постоялый двор Гостены Исто-мыча. Мы вашему князю Святославу Мстиславовичу мыто за проход сполна и исправно еще в самом Полоцке выплатили, у нас вот и береста с особым оттиском при себе есть. Почто же вы нас тут задерживаете?

– А кто вам сказал, бестолковые, что мы люди Святослава? – насмешливо выкрикнул тот, что был в шубе, и, поигрывая мечом, обернулся к соседу. Тот, одетый победнее, в подбитый мехом кафтан, как видно, желая поддержать своего старшего, оперся на длинное копье и в ответ громко рассмеялся.

– Вы уже находитесь на земле литвинского князя Миндовга и платить за проход должны ему, а то, я погляжу, порядков этого пути не знаете! – грозно нахмурившись, продолжил свою речь «мытарь».

– Да как же не знать-то? Знаю, – вздохнул печально купец. – А сколь с саней-то вам причитается, уважаемый?

– Да, как и обычно, как и всегда, по шесть шкурок белки с каждой! – решительно топнул ногой «мытарь». – Чаво-о? – повернулся он к подручному. Выслушав его, он коротко кивнул и опять крикнул купцу: – Ошибся я маненько, указ давеча был княжий, чтобы по восемь векшей брать с каждой повозки. Вот и давай, купец, отсчитывай, не жалея, а то ходу вам тут дальше никакого не будет! А коли вы будете ерепениться, так мы враз всех вас стрелами побьем! – кивнул он на стоявших за преградой своих людей.

– Не литвины это, Шумилович, – тихо проговорил Малмыш. – Я же говорил уже, что все время при заезде к ним мы по две векши мыто отдавали. Лихоимцы это, разбойные люди, похоже.

– Ну, добре, – кивнул с кривой усмешкой пластун. – Их тут пару десятков всего, никак не более. Нам здесь этих шутов на одну минуту боя. Сейчас проучим. Ты, Волесович, главное, зубы им покамест заговаривай, чтобы мы подойти смогли поближе.

Назар обернулся к своей пятерке и коротко переговорил с людьми. Вскоре от общего каравана отделилась пара саней, и в окружении всей пластунской охраны они покатили к преграде.

– Люди добрые, у меня ведь совсем при себе беличьих шкурок не осталось! – прокричал громко купец. – Дорога от Новгорода дальняя, а ведь везде в пути платить приходилось. В повозках только лишь один товар остался, да еще харч лежит. Будьте милостивы, возьмите, чего надо, в уплату за проезд? А уж мы шибко рядиться о его стоимости не будем.

– Это смотря какой товар! – насмешливо выкрикнул в ответ «мытарь». – А то, может, будет проще и все сани ваши забрать. Да еще и вас заодно охолопить!

Раздался резкий свист. Проскакивая к самой преграде, Назар мимоходом ударил плоской стороной своего меча по голове испуганно метнувшегося в сторону «мытаря» и тут же резко пришпорил коня. Вот всадник взметнулся вверх и перенес себя и хозяина через стоявшие поперек реки сани. Вслед за ним перескочили через них и еще двое воинов. Щелкали самострелы пеших пластунов, слышались истошные крики, а конная тройца рубила мечами разбегавшихся в панике разбойников.

Пластун Лагута, стоя на правом берегу, прицелился и выжал спусковой крючок само-стрела. Тяжелый болт ударил почти что добежавшего до леса мужика в спину, и он, раскинув в стороны руки, свалился в снег, словно куль.

– Шустрый какой, – хмыкнул стрелок, перезаряжая оружие. – И сообразительный: быстрее всех к лесу деру дал.

На речном льду и по обоим берегам лежало девять трупов. Двое окровавленных разбойников громко стонали, привалившись к саням. Рядом с ними стояло восемь испуганных поделщиков. Предводитель, пачкая кунью шубу кровью, что струилась из большой ссадины, сидел на льду и тряс головой.

– Хорошо ты его приложил, Назар Шумилович, – кивнул на «мытаря» пластунский десятник Ипатий. – Не пришел он еще в себя, мычит чегой-то там себе под нос. Мы уже по-быстрому его людей допросили: ватажка Ярыги это из местных русинов. Непонятно вообще, чьи они тут будут, то ли литвинов, то ли полоцких, а скорее сами по себе на этом приграничье.

– Да и пес с ними, – махнул рукой старший андреевцев. – Растаскивайте, запрягайте сани, сажайте в них всех вот этих и руки ноги им крепко вяжите. Некогда нам тут с ними цацкаться, вон до литвинского погоста доведем и там же их в руки мытарям сдадим. Пущай сами с ними разбираются и суд свой вершат.

Через час хода по правому берегу реки открылось приличного размера селище. Сама же она была перегорожена длинной лесиной, стоявшей на толстых рогатках. Тут же, прямо на берегу виднелась пара изб, а у самой лесины прохаживалось пять воинов с копьями в руках. Один из них, завидев обоз, пронзительно свистнул, и из большой длинной избы выскочило еще с пару дюжин ратников.

– Обоз из Господина Великого Новгорода, следуем в Вильно на русский торговый двор к купцу Гостене Истомышу, везем ему товар, – доложил старшему литвину Малмыш.

Высокий воин с русой бородкой, одетый в добротный светлый овчинный полушубок, кивнул на связанных людей в санях и проговорил с легким акцентом:

– Это есть ваш товар? Что-то вид у него не очень. Почто так биты?

– Да вот, лихоимцы верстах в десяти вверх по реке нас ограбить хотели, – кивнул на связанных пленников купец. – Людьми вашего князя они прикинулись, мыто требовали и охолопить обещали, ну, вот моя охрана и осерчала с того маненько.

Литвин прошелся вдоль обоза, внимательно оглядывая разбойников. Так же внимательно и с прищуром он посмотрел и на присматривающих за ними пластунов.

– С такой охраной грех лихоимцев было не побить, хорошие люди у тебя в ней, купец, небось, в свое время под княжим стягом ходили?

– Да, было дело, – с легкой улыбкой ответил Назар. – Теперь вот сюда подрадились.

– Ну-ну, – неопределенно хмыкнул литвин. – На Руси усобица какой уже год идет, вот и уходят добрые воины из дружин. У нас Миндовг – сильный и справедливый князь, не жадный, идите к нему, он хороших воинов любит. Скажите, как в Вильно будете, что от сотника Юргиса с поста на Страче вы. Тогда легче возьмут.

– Хорошо, Юргис, мы подумаем, – кивнул Назар. – А с этими-то, с полоняниками, что делать?

– Арнас, Пятрас! – крикнул, обернувшись к своим, старший литвин. – Берите людей и тащите этих к деревьям, развешивайте их всех, где и обычно. А этого в шубе в избу волочите, с ним в Вильно отдельный разговор будет! Что, Šuo³, отбегался? Предупреждали ведь тебя: беги, пока жив! – и он наотмашь ударил Ярыгу кулаком в ухо.

Тот свалился с саней, а Юргис ударил его ногой в живот.

– Шубу замарал, падаль, – сплюнул он на подвывающего на льду мужика. – Разденьте их всех и хорошенько обыщите, там у каждого, небось, припрятано награбленное.

– Все, что с разбойных взято, вы оставите здесь, – твердо глядя в глаза Малмышу, проговорил Юргис. – Они на княжьей земле орудовали. Оружие – ваше, тут без разговоров. Можете

³ Пес (лит.).

ехать дальше. Держи, купец, – и он протянул кусок бересты с виднеющимся на ней черным оттиском.

Четверо воинов подхватили лесину и, сняв ее с рогатин, освободили проезд.

– А мыто как? Сколь отсчитывать-то нужно? – поинтересовался купец.

– Отсчитали уже, – усмехнулся Юргис, кивнув на стоящие поодаль четверо саней. Езжайте спокойно. Мы за этим Ярыгой уже год охотимся, все никак его не можем изловить. А тут на тебе, купеческая охрана его взяла, – и он покрутил удивленно головой.

Восемь саней покатали через освобожденный проход, а по левому, заросшему деревьями берегу на ветках уже сноровисто развешивали раздетых до исподнего и вопящих разбойников. Одного за другим, включая и раненых.

Дальнейший путь проходил по широкому, но сильно изгибистому руслу реки Вилии. Раз пять за последующие три дня пути обоз останавливали воинские конные отряды, и каждый раз после предъявления им куска бересты с оттиском они отпускали его дальше.

– Гляди-ка, Шумилович, чувствуется порядок у литвинов, – кивнул на отъезжающую конную полусотню Ипатий. – Лишнего не болтают, все у них по делу, даже не грабят чужих купцов и мзду с них не требуют, как это зачастую в наших княжествах бывает. Эдак Миндовг действительно всех в округе под себя подомнет и сильную державу сколотит.

– Конечно, сколотит, – подтвердил слова пластунского десятника Назар. – Лишь бы эта сильная держава потом на нас не пошла. Сам ведь знаешь, Ипатий, для чего мы в Вильно идем. За всем приглядывайте и побольше слушайте, для литвинов мы с вами самая обычная купеческая охрана.

Вильно открылся за большим изгибом реки, город был сильно растянут вдоль обеих ее берегов. Виднелись здесь и богатые усадьбы, но основная масса домов была бедная, темная и какая-то серая. Каменного зодчества здесь практически вообще не было. Улочки, уходящие от Вилии вверх, были все кривыми и грязными. «Благо сейчас зима, а вот что тут по весне будет?» – думали андреевские, оглядываясь. До нужного им русского торгового подворья добрались очень долго. Но вот наконец-то уже и оно. За высоким, словно бы крепостным забором, выстроенным из заостренного частокола, брехали собаки.

– Кого тут к ночи ближе принесло?! – выкрикнули из-под навеса небольшой околловратной башенки.

– Свои! Открывайте, братцы! – крикнул, подойдя к воротам, Малмыш.

– Все свои дома сидят, а вот чужие по улицам шатаются. – Пожилой страж в дружинном шлеме на голове выглянул из-под навеса вниз и теперь внимательно рассматривал весь подъехавший к подворью обоз.

– Тише, тише, ты не ори, служивый, – негромко сказал купец. – Передай Гостене Истомышу, что к нему приказчик от Путяты Строкова из Новгорода прибыл. Пускай сам сюда к нам выходит. Надеюсь, он дома?

– Дома, где ж ему быть? – ответили из башенки, и голова пропала.

Скоро за забором слышались крики, и большие двухстворчатые ворота, сколоченные из крепких вершинок деревьев, перехваченные железными полосами, громко закрипели и распахнулись.

– Малмыш! Чтоб тебя! – Дородный осанистый мужик, широко раскинув руки, пошел навстречу гостю. Два купца крепко обнялись и теперь стояли перед воротами, похлопывая друг друга по спине.

– Чего ты верхового-то вперед не послал? – проворчал хозяин, поправляя съехавшую набок шапку. – Сейчас бы и баня уже была натоплена, и столы бы от яств и питья ломились!

– Да успеется еще, Гостена Истомыш, – улыбнулся Малмыш. – Надо бы сани во двор загнать и людей завести, ни к чему нам лишний глаз.

– О как! – Хозяин подворья сразу построжел и пробежал быстрым и цепким взглядом весь обоз и его охрану. – Острога, Рубец! – крикнул он своим стоявшим за спиной приказчикам. – А ну-ка быстро все сюда завозите, дворовых людей подгоните, пущай все у дальнего сарая разгружают.

Тут же раздались крики с наказаниями, кому и что делать, и на подворье началась суета.

– Это Назар Шумилович, – заходя за хозяином в большой дом, представил андреевца Малмыш. – Жми, жми ему руку, – хмыкнул он, видя, как недоверчиво оглядывает его купец. – Не простой это охранный вой, а человек от князя Ярослава Всеволодовича, что опять по праву свой стол взял в Новгороде. Вернее, даже от его воеводы, Андрея Ивановича. У него к тебе, Истомыш, особое дело будет, а какое, я даже и сам не ведаю. Так что вам с глазу на глаз переговорить надобно будет.

– Ну, здравствуй, княжий человек. – Гостена крепко сжал протянутую ему руку.

– Здравствуй, купец, – улыбнулся Назар.

* * *

В языческой Литве время весеннего равноденствия праздновалось широко. Отгремели потешные бои на льду реки, отшумели обильные пиры у всех, начиная от простого смерда и заканчивая самим князем.

Всем было привольно и весело, но были и те, для кого такие праздники были большой заботой и головной болью. Старший чашечник княжьего двора Миндовга Мариш был именно из таких. Свита и все многочисленные званые гости веселились себе без забот, а его делом было следить, чтобы люди, ответственные за веселящие напитки, были всегда расторопные и умелые. А ведь дело их было очень непростое! В голове всегда нужно было держать, какие напитки разливать пирующим и в какую посуду. Когда и кому подавать их по очередности, и даже вообще – как это правильно делать, ибо тут было важно не обидеть княжьего гостя или человека из свиты, принизив тем самым его статус перед всеми окружающими. Тут важно было соблюдение целого ритуала. Потом уже, когда пир разгорался и были выпиты первые бочки меда, пива или вина, становилось немного попроще. И все равно нужно было держать все в голове и внимательно следить, чтобы простые чашечники делали свою работу проворно.

Придворная должность была важная, и Мариш этим гордился. Ведь именно благодаря ей он и был вхож в самые богатые дома литвинской знати и был уважаемым человеком в высшем обществе. А ведь совсем недавно он мерз в походах дружины князя и рисковал своей шкурой, ожидая получить стрелу или болт самострела. Мог он быть и покаленным при осаде крепости или даже попасть в плен! Ведь военная удача такая капризная и изменчивая, и, вспомнив былые неприятности, шляхтич зябко передернул плечами.

– Айварас, бездельник! Где ты там?! – выкрикнул он недовольным голосом. – У меня уже дрова в камине прогорели, а тебе до того и дела нет! Шевелись быстрее, старый дуралей!

Послышались шаги, и в светлицу вбежал чумазый истопник с вязанкой поленьев.

– Сейчас я все подложу, хозяин, просто вы же сами сказали, чтобы вам не мешать.

Развязав веревки, он заложил одно за другим поленья в очаг камина, и огонь в нем начал вновь разгораться.

– Ну, все, все, хватит уже, – пробурчал недовольно Мариш. – Чего ты пихаешь так много? Хочешь опять, чтобы здесь, как у русских в их бане, жарко стало? Смотри мне, старый пень, перетопишь как-нибудь – и все из-за твоей расторопности погорим!

Из длинного коридора опять послышались шаги, и в комнату заглянул самый старший всей дворовой сторожи шляхтича Лукас.

– Господин! – Воин, приложив ладонь к груди, сделал легкий поклон. – У ворот стоит человек. Он представился как приказчик от русского купца Гостены и сказал, что ему очень нужно увидеться лично с вами. Что прикажете с ним делать? Прогнать его прочь?

Русский! Это слово вызвало гримасу недовольства на лице Марича. От русских в его жизни было много боли и неприятностей, но именно благодаря им, а вернее, их серебру ему удалось взойти так высоко в придворной иерархии. Интересно, с чем же к нему сейчас пришел приказчик от этого купца? С ним ему еще знаться не приходилось, ибо все хмельные напитки поставлялись ко двору через других торговых людей. «Небось, ставленого меда санным обозом притащили вот и собираются перебить цену других поставщиков. Ну, ну, поглядим!» И шляхтич кивнул Лукасу.

– Заводи его ко мне, только пусть он отряхнется перед крыльцом, на улице вон какая грязь и распутица, а он через весь город, небось, сюда топал.

– Что, самому купцу ко мне совсем зазорно было прийти, да?! Всякую рвань к большим людям присылает! – недовольным голосом крикнул Марич, увидев заходящего в сопровождении Лукаса и его воина приказчика. Всем своим видом он старался сейчас подавить, как-то принизить этого незваного гостя. За спиной у русского стояли двое крепких и вооруженных воинов, а прямо перед ним сидел у пылающего камина сам грозный хозяин, опирающийся одной рукой на длинный и обнаженный меч.

Но «торгаш» оказался не из пугливых, оглядев своим цепким взглядом всю комнату и самого шляхтича, он затем спокойно, с каким-то прищуром уставился ему прямо в глаза.

– Пан Марич, я седмицу назад прибыл из Господина Великого Новгорода, и купец Строков Путята Селянович повелел вам лично передать следующее: «На Новгородском торгу шкурка белки в цене хорошо выросла, ну а кунья зато вниз пошла».

– Ты что, дурной?! – воскликнул, багровея, Марич. – На кой ляд мне все эти шкурки сдались?! Я тебе что, торгаш мехами?! Да я!.. – и он вдруг резко замолчал, не докончив начатую было фразу.

Дернувшиеся вперед охранники схватили русского под руки, готовые сделать с ним все то, что прикажет их господин. Русский не вырывался. Он даже не дернулся и все так же продолжал стоять, ничего не говоря и не сопротивляясь.

– Отпустите его, – тихо проговорил шляхтич. – Отпустите и сами выйдите вон.

Вдали, в доме затихли шаги воинов, а Марич и русский, все молча, смотрели друг на друга. Наконец посетитель глубоко вздохнул и опять произнес ровным голосом все ту же заученную им наизусть фразу: «На Новгородском торгу шкурка белки в цене хорошо выросла, ну а кунья зато вниз пошла».

– Как зовут тебя и от кого ты на самом деле ко мне пришел? – нахмурившись, проговорил недовольным голосом литвин.

Русский молчал, все так же продолжая глядеть на него.

– Ну, хорошо, – поморщился Марич. – «Так куниц-то ныне Карела много стрелой набила, вот и сбросила она оттого свою цену в четверть», – медленно произнес он. – Теперь будешь говорить?

– Меня зовут Назар, пан Марич, – спокойным голосом ответил посетитель. – Я пришел сюда от хорошо известных вам людей. Имена Будаи или Варун вам что-нибудь говорят?

При этих словах шляхтич заметно напрягся и до боли в пальцах сжал оголовье меча. «Зарубить его прямо здесь, – думал он, – прямо сейчас, а уж как объясниться, я потом придумаю». Но нет, просто так они от него не отстанут. Такие люди даже здесь, в Вильно, до него добрались, как и обещали тогда в том вонючем сарае три года назад. А ведь была еще и первая встреча в разоренном торопецком селище, где погибли все его воины. И был тот разговор в лесу, где он получил рану. Марич непроизвольно почесал вдруг вновь зазудевшее плечо.

– Не серчай, пан Марич, – как-то легко улыбнулся русский. – Я не принес тебе худых вестей, а только лишь заверение о дружбе и пожелание доброго здоровья от моих командиров. И еще у меня для тебя есть подарки и серебро. Мы ведь знаем, что при княжьем дворе очень трудно быть тому, у кого мало денег. Пост старшего чашечника, наверное, весьма дорого стоил, и у тебя сейчас не все хорошо со средствами? Мое начальство просило тебе передать, что мы снова можем быть полезны друг другу. А ты, по их мнению, вполне себе достоин более высокого места при дворе, ну, скажем, должности старшего княжьего кравчего. Да и ремонт твоего родового замка на Немане можно будет продолжить и уже наконец-то даже его завершить.

– Вы слишком много знаете обо мне, – немного помолчав, ответил литвин. – И слишком глубоко лезете в мои дела. Не боишься лишиться своей головы, русский?

– Наше дело служивое, – пожал плечами Назар. – Тут уж кому какая судьба выпадет, умирать-то все одно каждому когда-то придется.

– Так и умирать можно по-разному, – фыркнул Марич. – Бывает так, что человек и сам смерти просит, как избавления от мук. Ан нет, голуба, пока все, что он знает, не расскажет, ну, или не отдаст, не идет она к нему, эта смерть-то.

– Моя смерть ничего хорошего тебе не даст, пан, – с улыбкой произнес Назар. – Серебра при мне сейчас мало, ничего нового даже и под пытками я тебе не скажу, все ты и так уже знаешь. Прости меня за такие слова, но вот потом за твою жизнь я бы и сам даже худой векши не дал. Неужели ты думаешь, что некому будет поведать Миндовгу, от кого вот это твое нечаянное богатство прибыло и с чьей помощью ты в княжьем дворе наверх пошел? Да и старая твоя, бывлая помощь по Торопецкому набегу – она ведь большой крови всему объединенному литвинскому войску стоила. Как бы, узнав про такое, князь и сам тебя головы не лишил, уважаемый пан Марич. После вдумчивых и о-очень долгих разговоров.

– Ты мне угрожаешь в моем же доме, пес?! – Литвин побледнел и приподнялся со своего места.

– Нет-нет, что ты, пан Марич! – воскликнул русский и примирительно поднял обе руки. – Я ни в коем случае тебе не угрожаю. И нам незачем сейчас ссориться. Я просто хотел сказать, что мы можем быть полезны друг другу. А вот любое противостояние приведет лишь к одному – к смерти, причем для нас обоих. Оно разве нам надо?

Шляхтич молча, пристально глядя на русского, постоял и потом опять сел в свое массивное дубовое кресло.

– Что вам сейчас-то от меня нужно? Уж не думают ли в Новгороде, что я готов подвергать себя опасности, отрабатывая их подачки?

– Нет, конечно же, нет, пан, – примирительным тоном ответил Назар. – Мы не хотим, чтобы ты рисковал собой и своим добрым именем. Нам от уважаемого пана нужно лишь одно – чтобы он внимательно слушал и передавал нам все то, что касается внешних сношений князя Миндовга с соседями. И особенно с нашими общими врагами, то есть с немцами. Больших трудов для тебя, пан, это же вообще не составит, ведь по своей придворной должности ты и так присутствуешь при этих встречах и бываешь на всех пирах. А какое же может быть застолье с иноземными посланниками да без доброго и обильного хмельного? И за все эти маленькие услуги, уважаемый пан Марич, тебя будет ждать весьма и весьма богатое вознаграждение. При котором ты, как я думаю, вполне даже сможешь занять более высокую должность при дворе. Кравчий⁴ Раймондас уже ведь весьма стар, и ему давно пора уходить на покой. А у него на выданье сейчас есть красивая младшая дочь. С нашими средствами, уважаемый пан, ты вполне сможешь породниться с этим главным придворным, а потом и вообще взять у него эту должность. И это, заметь, совсем даже не предел, со временем ты сможешь подняться еще и выше. Тебе для этого нужно будет только лишь время и дружба с нами.

⁴ Придворный чин ответственного за стол, еду и напитки.

– Вы уже, как видно, и так все за меня рассчитали и решили, – покачал головой шляхтич. – Хорошо, я подумаю. Приходи через месяц, скоро к нам прибудет посланник от нового рижского епископа, канонник Балдуин. А потом можно будет ждать и представителей от братьев Ордена меченосцев. В Ливонии после смерти епископа Альберта между этими двумя силами сейчас нет единства, и идет большой раздраз. Вот они и тешат себя надеждой склонить князя Миндовга на свою сторону. Каждому нужна опора из литвинских полков. А у нас и своих забот с куршами хватает.

– Вот, пан Марич, я сейчас слышу речь умудренного мужа, – улыбулся русский. – Нам это все очень интересно. А чтобы тебе там и дальше лучше слушалось, я оставлю здесь небольшой подарок, – и он положил на стоящий рядом с ним столик кожаный кошель. – Это только малая часть того, что ты получишь, если расскажешь мне интересующие нас новости. Я буду у тебя, пан, через месяц.

Русский ушел, а Марич еще долго сидел молча у камина. Наконец он поднялся с кресла, подошел к столу и высыпал на него содержимое кошель. На столешнице поблескивала кучка серебряных монет самого разного достоинства, от дальних южных, арабских дирхемов и западных любекских пфеннигов до соседских киевских и новгородских гривен. Лежала здесь и пара золотых монет с выбитыми на них профилями правителей.

– Хм, небольшой подарок, – покачал головой шляхтич. – Скупыми русских назвать язык точно не повернется!

Глава 6. Поместные хлопоты

– Парфен Васильевич, ты уж сам смотри, где и что лучше сеять, – устало ответил своему главному хозяйственнику Сотник. – Ты и твои агрономы теперь во сто крат лучше меня со всем этим разбираются. Вскрывай все наши семенные амбары и готовь зерно к выдаче. Когда после большого половодья будут уходить в дальнюю дорогу ладьи, все они захватят с собой, помимо товаров, еще и часть яровых. Сам ведь понимаешь, у крестьян семян вообще в заначке не осталось, погодное лихолетье закончилось, а сеять-то им нечего. Вот тут мы хоть чем-то нашему русскому мужику поможем. По поводу подмоги людьми ты можешь не беспокоиться. Отправку воинов на смену дальним крепостным дружинам я покамест немного задержал, ибо сейчас упор у всех на посевную. Нам нужен такой урожай, чтобы осенью он всех смог накормить, а еще и чтобы с него большой избыток его иметь. Серьезных военных дел до первого снега не предполагается, так что работников у тебя будет все это лето в избытке.

– Очень хорошо, – удовлетворенно кивнул управляющий. – Люди, конечно же, нам нужны будут. А то у нас из поместья сейчас много народу по своим селищам разъезжается. Две, а кто так даже и три лихие години здесь пережил в тесноте, но вот далее оставаться им уже более не хочется. На родную землю человека, словно бы птицу, тянет. Уж я им и хорошие наделы за Ямным и за Полометью пообещал, и плотников в помощь, чтобы избы рубить, да и всякой другой подмоги. Нет, мало ведь кто согласился. Сотня семей вот уже за этот месяц к себе выехала. Некоторые аж по самой грязи потянулись, из тех, кому подальше до своих рощиц добираться. Две сотни лошадей и мешки с зерном для семени и для прокорма каждому семейству было выделено. Чуть попозже, когда посевная пройдет и у нас маненько поспокойнее станет, мы к ним, али они сами к нам, глядишь, доберемся, вот и посмотрим, чем бы еще кому можно помочь.

– А зерновой сев закончится – потом я на огороды людей выведу, – делился далее своими планами управляющий. – Вон как у Архипа это дело-то задалось, за ним и соседи по Лосиной пади теперь повторяют. Первуша половину земельного надела под посев овощей в этом году выделил. А что, выгодное дело, ничего тут не скажешь. Один даже только жгучий, стручковый перец – и тот вон как все труды оправдывает. Его у нас с руками и ногами чуть ли не на драку иноземные купцы забирают. Не знаю, заметил ты или нет, Иванович, что за стеклом в избах у многих теперяча вообще ничего не видно? Не заглядывал ведь в окна, поди?

– Да не знаю, – пожал плечами Сотник. – Окна как окна везде. В каждой избе их по два небольших под стеклами. Да я как-то и привычки-то подглядывать в них не имею.

– Э-э-э, да я не про то! – фыркнул Парфен. – Окна те все изнутри в зелени. Вот потому и прикрыто там все. Народ-то у нас смекалистый. С февраля месяца все их ящичками с землей заставили, а потом уж семенами этого самого жгучего перца засадили. Вот как только тепло встанет, так бабы всю свою рассаду на гряды под солнце высадят. А по осени серебром по весу за урожай возьмут. Это ведь какой доход для семьи! Во-от, ну и нам, конечно, торговать с немцем – это тоже прибыль. Я вот думаю, может, вообще этих самых заморских перекупщиков сюда не пускать? Ну а чего, мы и сами, что ли, не в состоянии его размототый к ним на торг поставлять? Хоть в Булгар, хоть в Любек, а хоть даже и к англам или франкам. Везде же наши ладьи ходят, и всюду эта вот самая приправа дороже золота идет.

– Может быть, ты и прав, Васильевич, – задумчиво сказал Сотник. – Уж больно любекские приказчики сюда в последнее время повадились заходить. Пользуются моим к ним покровительством. Уже раза три ведь пытались у нас семена выкупить или выкрасть, и все то они подглядывают, что у нас тут нового появилось. Вот так вот один самострел речник стащат, разберут его у себя по самой малой детали и копировать, ну-у, в смысле вот так же, как и мы, делать их начнут. А оно нам надо – давать в руки возможному врагу такое мощное оружие?!

Напишу я, пожалуй, бургомистру, пусть он более не засылает ко мне своих купцов. И верно, будем мы лучше сами туда на торг свои ладьи отправлять.

Весна была дружная, люди истосковались по крестьянскому труду, и всюду в огромном поместье шли полевые работы. Да и вокруг него на пару сотен верст крестьяне распахивали свои заросшие за годы лихолетья росчища и бросали в землю семена.

Ратное обучение на время прекратили даже в школе. Посевное дело очень важное, тут, как говорится, один день – он потом весь год кормит. Производства не простаивали, вот-вот уже уйдет большая вода с рек, что несет сейчас по ним бревна, деревья и крупный мусор, и с причалов или пологих берегов скатятся по особым мосткам вниз ладьи. Два-три дня погрузки – и побегут они из поместья во все стороны. Какая-то с выделанным тканым полотном и с уже готовым пошитым платьем. Какая-то с гончарными изделиями или стеклом. А какая даже и с бронным или с оружным железом, починенным из тех трофеев, что были захвачены в прошлые походы.

Домой Андрей приходил уже к ужину. Марта укоризненно ворчала:

– Целыми днями тебя дома нет, а осенью так и вовсе на полгода в поход уйдешь. Ленька и я ведь скучаем. Хоть иногда, но нужно себе выходной делать!

– Ну ты и зануда, сестренка, – подшучивал над ней Эрик. – Наши предки в набегам по два, а то и три года бывали, и то ведь ничего. Привезут на своих кноррах и драккарах из заморских стран золотых безделушек и красивых одежек, а жены и рады. Муж живой пришел – хорошо, все одно не вдова, а ведь замужняя женщина.

– Ну, ты тут это, не особо его защищай, братец! – грозила пальцем Марта. – Он совсем скоро в поход от нас сбежит, а ведь тебе с женщинами предстоит здесь оставаться. Уж мы тогда тебя с Ингеборгой точно тут одолеем!

– Может, и правда с собой возьмешь, ну что я тут с женщинами сидеть буду? – спросил как-то после ужина Андрея Эрик. – Чувствую я себя хорошо, обузой в походе уж точно не буду. Да и вся моя дружина тогда рядом в одном кулаке будет. За последний год вон сколько из Швеции от этого кровавого Кнута Хольмгерссона сюда народа сбежало. Уже целых три пеших сотни и несколько судовых команд в этом поместье с нами живут.

– Нет, Эрик, извини, никак тебе нельзя со мной идти, – покачал головой Андрей. – Одно дело, когда под моим началом в дружине твои воины состоят, а вот другое – когда они при своем короле на войну идут. Прости, ты хоть и в изгнании, но ведь все равно остаешься властителем из славного рода Эрриксон. Все это потом может сильно осложнить тебе возврат своего законного трона. Твое дело, как сказал Ярослав Всеволодович, – это ждать удобного момента и собирать вокруг себя сторонников. Пусть этот Кнут в королевстве сейчас шишек набьет и настроит против себя побольше людей. Не зря же его уже прозвали в Швеции «кровавым». Как видно многие подданные сейчас там тебя добрым словом вспоминают и сильно жалеют, что отказали в свое время в поддержке. Ну, вот и пусть трижды подумают, как потом бунтовать, когда ты уже обратно на свой трон вернешься.

– Ох, как ты далеко заглянул! – засмеялся Эрик. – Я вообще даже об этом не думаю. Мне вон, как только занятия снова в школе начнутся, сразу же семь уроков там нужно будет проводить. Когда они по два, по три раза в неделю, это все как-то спокойно для меня проходит. А тут из-за этой вот посевной, что их так сдвинула, столько ведь разом навалится. Даже волнуясь я вот теперь. Мальчишки – это ведь, я скажу, те еще слушатели, они сразу же чувствуют незнание или лень учителя. Ладно, Андрей, ты тогда возьми с собой побольше моих людей. Они воины добрые, засиделись уже здесь без дела. Да и мне тут, ну, вот для чего такая огромная охрана и свита? Здесь и так вся округа дозорными крепко-накрепко держится. И захочет даже чужак проскочить, а все равно у него ничего не получится. Вон ведь всех моих подданных, что сюда

из королевства бежали, они еще загодя, при заходе в Полометь перехватывали, не один еще самостоятельно сюда не явился. Все лишь под оружным конвоем.

– Людей я возьму, – согласился Сотник. – Видно, что воины они годные. Из двух Фолькунгов один ярл при тебе, здесь останется, а вот второго я с собой в поход заберу. Хоть Ульфа, а хоть Биргена Магнуссона, это уже ты сам с ними решай.

В двадцатых числах мая первые ладьи спустили на воду, и по перекинутым мосткам в них забегали с мешками за спиной крепкие мужики. Грузили каждую под контролем управляющего и старшего ладейной дружины Бояна Феррапонтовича. Помимо ремесленного товара, в них закладывалось еще и семенное зерно с провиантом.

Готовился к выходу и караван из семи судов в Волжскую Булгарию. Старшим ладейным на него был назначен Молчан, а вот за его охрану отвечал пластунский командир Лютень.

– Не переживай, Риночка, – успокаивал он, обнимая на прощание, жену. – К месяцу августу можешь меня обратно ждать. Сейчас мы по большой воде на волоках пороги проскочим, а там уже совсем скоро и возле Торжка будем. По пути опять в твоё родное селище загляну да и в самом Булгаре у нужных людей поспрашиваю, глядишь, и отыщется кто-нибудь из родичей. Мальца береги, – и он прижал к груди жену с младенцем.

– Отходим! Всем к веслам! – крикнул Боян, и прощающиеся с друзьями и родными воины побежали к своим ладьям.

– Отдать концы! – последовала новая команда.

Ладейные выбрали толстые пеньковые канаты, а затем оттолкнулись баграми от бревен причала. Речные, тяжелогруженные суда медленно отошли от длинной поместной пристани. Впереди у них была долгая дорога и множество тревог и опасностей.

После суматошной посевной жизнь в поместье начала входить в привычное русло. Готовился к выпуску очередной курс ратной школы. Шло расширение и боевое слаживание бригадных подразделений. Дозорный эскадрон было решено преобразовать в полк или в тысячу. Под началом берендея Азата формировалась Вторая Степная сотня. Орудийная дружина, состоящая из пушечной и камнемётной сотен, разбившись на расчеты, осваивала своё новое и грозное оружие.

В подготовленных к войне людях недостатка пока не было. Слава об Андреевской дружине прокатилась по многим русским княжествам и соседним с ними землям. А в славной и крепкой рати любому воину за честь было служить. Так что принимали к себе не каждого, вдумчиво и внимательно изучая прежде всего самого кандидата, стараясь понять, каков он человек и что умеет. Да и ратная школа отроков готовилась уже к третьему выпуску, а это ни много ни мало больше трех сотен пусть и молодых, но умелых бойцов.

– Конницы, считая Дозорный полк, Обережный эскадрон и две Степных сотни, у нас уже, в общем, более полутора тысяч, – перечислял начальник штаба бригады Филат. – Две пластунские сотни, крепостные, орудийные и ладейные дружины. Плюс имеем судовую рать, большую обозную и приличную лекарскую службу. А это уже две с половиной тысячи воинов. Если к ним еще прибавить три сотни рубак Эрика, то мы чуть-чуть только до трех тысяч не доходим. А ведь я даже про ратную школу пока не сказал, ну и так по всякой мелочи. В общем, братцы, мы по своей силе ничем любой княжьей дружине не уступим. Теперь нам можно и на большие дела замахиваться.

Андрей сидел за столом перед расстеленной на нем огромной собственноручно расписанной картой. В самом центре ее лежала Северная Русь, окруженная самыми разными соседями. Было среди них немало союзников, однако врагов или явных недоброжелателей тоже хватало.

– Ярослав Всеволодович считает, что сейчас самое время бить по немцам, – наконец поднял он глаза на своих первых помощников и друзей. – В Ливонии со смертью рижского

епископа сейчас творится полный раздрай. Местный капитул выбрал епископом магдебургского каноника Николауса, однако бременский архиепископ, который претендует на верховенство во всей Восточной Прибалтике, назначил туда своего кандидата – бременского каноника Альберта Зуербеера. Папа Григорий IX поручил разобраться в смуте легату Отто де Монферрату и его помощнику вице-легату Балдуину. Посланники папы, прибыв в Ригу, поддержали местного кандидата, но этому категорически воспротивились рыцари Ордена меченосцев. Они наотрез отказались признавать власть Николауса и пожаловались на злоупотребления легата германскому императору Фридриху, главному сопернику папы за власть в Европе. Каждая из сторон, соответственно, обратилась за внешней поддержкой. Но в германских землях, а особенно вокруг Бремена, сейчас бушуют большие крестьянские восстания, и массово набрать пилигримов в Прибалтику пока никому не удастся. Я это к чему вам сейчас так подробно все рассказываю? Вижу же, как вон Лавр Буриславович горестно морщится и тяжело вздыхает. Все это для того, чтобы вы поняли: сильной централизованной власти, как прежде, в Ливонии сейчас нет, там разгорается великая смута, и порой дело доходит даже до открытого военного противостояния. Разумеется, нам все это на руку. Именно такого разобщенного противника и удобнее всего бить. На большую помощь Ярослава Всеволодовича нам рассчитывать пока что не приходится, ибо он будет разбираться с Михаилом Черниговским и со всеми теми, кто его поддерживает. А это, я вам скажу, такая тяжелая свара, в которую нам соваться ну никак нельзя! Так что мы будем начинать давить на немцев сами, а там по мере решения всех своих княжских вопросов, глядишь, к нам в Ливонию и Ярослав со своей дружиной подтянется. Первая наша цель – это оказать помощь литвинскому князю Миндовгу. Он Ярославу союзник, и его боевитые и опытные воины будут большим подспорьем в битвах с ливонцами. Лишь бы они его к себе в друзья не сосватали, давно ведь вокруг да около ходят и все пытаются охмурить. У нас в Вильно сейчас люди Варуна Фотича во главе с Назаром находятся. Ждем вот от них вестей, что у литвинов сейчас творится, да и они сами, я думаю, там бездействовать не будут. Хотя, конечно, и маловато воинов у Шумиловича.

– Хорошие все люди, надежные, – подтвердил Варун. – И, главное, с понятием. Назар уж точно не подведет.

– Хорошо, – кивнул Сотник. – По крепкому пути в начале ноября месяца Дозорный полк с обозом идет к литвинам и помогает там князю Миндовгу против куршей. Ко второй половине зимы мы всеми остальными силами направляемся ко второй своей цели – это к освобождению Пскова от меченосцев. Ну и если все удачно сложится, то будет и третья – это удар по Дерпту и Оденпе, или, как ее еще называют, по крепости Медвежья голова. Для похода на Ригу у нас пока сил явно не достаточно, и ее мы будем оставлять на следующую зиму. Как вам такие планы?

Помощники Андрея, сидевшие с ним за одним столом, загомонили:

– Давно пора немцам укорот дать! И по Риге можно попробовать ударить! А еще стоит и пруссам супротив псов-рыцарей помочь!

– Смело! – подвел итог всем обсуждениям начальник штаба. – Если немцы сразу не объединятся перед лицом внешней угрозы, то все может и получиться. По моим сведениям, у меченосцев сейчас тысячи две с половиной воинов, никак не больше. У дерптского епископа под началом примерно столько же. Тысячу имеет Оденпе. Про рижского епископа я сейчас не скажу, но и у него войско уж точно не больше орденского. И нужно еще учитывать, что, помимо всех этих войск, у ливонцев еще есть дружины местные князей из племен Ливов, Латгалов и Угандийцев. А все местные к своим захватчикам особой любовью не пылают. Думаю, у них большого желания проливать за немцев свою кровь сейчас нет. И на этом, кстати, я полагаю, нам тоже можно сыграть.

– Обязательно сыграем! – воскликнул Сотник. – Для того-то в Рижский залив и ушли три наши ладьи под командой Святозара. Не доходя устья Западной Двины, на которой и стоит Рига, верстах в сорока к северу есть речка Гауя. Если по ней подняться немного вверх, то

можно дойти до главного городища ливов. Вот туда-то и держит сейчас свой путь Святозар, а что лежит в трюмах его ладей, вы и так уже прекрасно знаете. Думаю, рижскому епископу и его людям очень не понравится, когда по ним будут бить из лесной чащи пусть даже из простых, но все-таки мощных самострелов, а ливская дружина вдруг окажется вооруженной не только одними копьями, но и мечами. Так что, думаю, Риге в этом году будет уж точно не до дел на востоке. Усидеть бы за своими каменными стенами и удержать город. Еще бы на начальном этапе Псков от Дерпта отвлечь, так и вообще бы хорошо было. А вот для этого мне придется уже тебя, Варун Фотич, снова к виронцам посылать. Ты там у них в доверии, как-никак за их главное городище в прошлом году воевал, вот и попробуй эстов склонить к набегу на угандийцев. Угандийцы ведь союзники Дерпта, и думаю, что Герман Буксгеведен со своими рыцарями будет вынужден им помочь. Вам брать каменные крепости или даже лесные городища вовсе даже не нужно, навяжешь противнику лесную войну, отвлечешь его на себя – вот и будет уже хорошо. А там, глядишь, и мы к Пскову подтянемся.

– И не нужно забывать, братцы, про нашествие монголов, – вздохнул Сотник. – Всего пять лет, по моим прикидкам, до него. Степняки сейчас на самом дальнем Востоке государство Коре завоевывают и с чжурчжэнями бьются, а потом за саму Поднебесную возьмутся. Ну а после того, добив половцев и разорив Волжскую Булгарию, они уже к нам придут. К этому времени мы должны разобраться с западными врагами и быть готовы противостоять нашествию. Если Ярославу Всеволодовичу удастся сплотить хотя бы центральные и западные русские княжества, хорошо, а если нет, так мы все ляжем. Нам против монголов, разумеется, никак не выстоять, хоть ты сколько пушек отливай и самострелов готовь. Там великое и сплоченное войско с железной дисциплиной и с огромным боевым опытом. Мы с Азатом много думали, как против монголов воевать, потом придет время – своими соображениями и со всеми вами поделимся, а пока нам нужно начинать разведку. Это уже твоя епархия, Варун Фотич, думай, как это сделать, но нам нужны хоть какие-нибудь сведения о них. Сам понимаешь, пять лет пролетят, что их даже и не заметишь. Купеческими караванами или еще как, но мы должны начинать приглядывать за Чингизидами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.